

Александр Асмолов

Врата Света

мистический роман

Ушебти – цикл мистических романов Александра Асмолова

Александр АСМОЛОВ

Врата Света

«Александр Асмолов»

2017

Асмолов А. Г.

Врата Света / А. Г. Асмолов — «Александр Асмолов»,
2017 — (Ушебти – цикл мистических романов Александра
Асмолова)

ISBN 978-5-4485-7646-1

Варя, рожденная в день Тхар, с детства наделена необычными способностями, позволяющими ей общаться с душами, давно покинувшими этот мир. Услышав от них старую кельтскую легенду о сестрах хранителей Черной книги, Варя понимает, что не случайно встретила этих маленьких непосед.

ISBN 978-5-4485-7646-1

© Асмолов А. Г., 2017
© Александр Асмолов, 2017

Содержание

ГЛАВА I. РОССИЯ, БЛАГОДАТКА	6
ГЛАВА II. АНГЛИЯ, ЛЕСТЕР	13
ГЛАВА III. РОССИЯ, МОСКВА	19
ГЛАВА IV. ФРАНЦИЯ, АРЛЬ	25
ГЛАВА V. РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	31
ГЛАВА VI. ПОЛЬША, ВРОЦЛАВ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Асмолов

Врата Света

*Свечой сгорит душа моя,
И чтоб я смог вернуться снова,
Дух за меня замолвит слово,
И юркнет змейкою стезя.*

© Асмолов А.Г., 2017

* * *

ГЛАВА I. РОССИЯ, БЛАГОДАТКА

Бабье лето в поселке с ласковым названием Благодатка выдалось удивительно спокойным, словно каждое утро оно прислушивалось, не пора ли ему в теплые страны, как перелетным птицам. Потом глубоко вздохнув просторами, напоенными теплом и богатством немереного урожая, оно оставалось еще на денек и, смежив веки от удовольствия, дремало то там, то тут, не в состоянии точно определить, где же лучше. Наверное, поэтому с чьей-то легкой руки и осталось здесь навсегда это странно звучащее для пришлых название. Благодатка. В нем слышалось и состояние, которое охватывало путника, случайно оказавшегося в этих краях, и щедрость, с которой земля готова была одарить им любого.

Похоже, Создатель, глядя сверху на деяния свои, сам как-то захотел пройтись босиком по заливным лугам, позагорать с детворой на песчаном откосе, порыбачить с пацанами в местных заводях, прудах да речушках, пересекающих вдоль и поперек большие и маленькие зеркала озер, в которых всегда отражалось солнце. Можно было долго бродить по колено в теплой воде, различая по илистому или песчаному дну названия: Камышовка, Броды, Карасевка... Услышав песни на опушке, наладиться с девками да молодухами по грибы или по ягоды, а то и с мужиками в соседний кедровник. При этом каждый знал заведенный издревле простой и умный порядок: не ходи всякий раз в одно и то же место, береги Землю-Матушку, иначе оскудеет без срока.

Потому и согласился Создатель с названием небольшого поселка, так ладно вписавшегося в эти красивые бескрайние поля, леса и горы, решив однажды, что не будет ничего плохого в том, если появится на железнодорожной станции, что километрах в пяти от Благодатки, — Серёня Долгов. Выйдет из пассажирского поезда, останавливающегося здесь всего на пару минут. Совершенно случайно выйдет, потому что накануне вечером после очередного загула благоверной собрал он фанерный чемоданчик и, поцеловав сына Мишеньку, хлопнул дверью да пошел на вокзал, а денег в кармане оказалось аккурат до Благодатки. Судьба...

Невысокий, юркий, сноровистый в любом деле, он не карабкался и не шел по жизни, а словно его погонял какой-то ветер. Порывистый и непостоянный. Серёня легко мог приспособиться класть кирпич или мастерить табуретки, надфилем выточить сломавшуюся детальку швейной машинки или починить прохудившуюся крышу. При этом не переставал балагурить, начиная все шутки с себя, и всегда оставлял впечатление, что его ловкие руки работали независимо от головы. Сами. Он только посмеивался, глядя на все это со стороны.

Серёню вполне заслуженно звали «первым парнем на деревне», но это было не совсем точно, поскольку и в городе он чувствовал себя не хуже. Уехав в столицу от любимых березок на пригорке в своей деревеньке Карасево, младший Долгов быстро устроился учеником сборщика на завод «ЗИЛ». В семидесятые годы прошлого века это означало и хорошую зарплату, и квартиру от завода, и уважение в обществе. В то время было принято вместе работать, вместе растить детей и вместе отмечать редкие праздники. Двери в квартирах редко закрывали днем на ключ, пили воду из-под крана во дворе, вместе болели за наших хоккеистов, и все знали о соседях.

Кучерявый чуб из-под серой кепки Серёни часто примечали в любой компании, несмотря на его далеко не богатырский рост. Девки любили его за веселый нрав и острый язычок, способный посоперничать с самой затейливой «трещоткой». Он недолго оставался в завидных холостяках. Шумную свадьбу с Галкой играли всем цехом. Профком выделил молодоженам квартиру в новом доме. Однокомнатную, но свою! Только после рождения первенца что-то не заладилось у Долговых. Болтали многое, но даже соседка Наташа не смогла бы точно сказать, почему однажды поздно вечером Серёня хлопнул дверью 905-ой квартиры и пропал. Галка

рассказывала, что ее непутевый бывший аккуратно присылал сыну Мишеньке деньги, но сам так и не появился.

Зато в далекой Благодатке Серёня вышел на полустанке, где не всякий пассажирский-то останавливался, и едва не столкнулся на перроне с Аленой...

Алена Александровна Петрова была из крепкой многодетной семьи, уважавшей старинные русские обычаи. Все от мала до велика работали, чттили старших, ходили в православный храм неподалеку, соблюдали все посты и традиции. Детвора у Петровых росла в строгости. Все как на подбор: рослые, крепкие, сильные. Кровь с молоком. Когда Алена осмелилась привести Серёню в отчий дом для знакомства, его поначалу освистали. Рядом с братьями под два метра и силушки недюжинной столичная штучка выглядела забавно. Однако Долгов подхватил свою зазнобу на руки и, напевая вальс, закружил ее по горнице. Так продолжалось до тех пор, пока с печи не подала голос бабушка, сказав лишь одно слово: «Казак!» На том и порешили.

Молодым всем миром поставили избу, куда после венчания молодую жену Алену с ее любимой сибирской кошкой да нехитрым приданым Серёня внес на руках. Он ее частенько подхватывал и кружил, наедине и на людях. Правда, в Благодатке после войны всего-то 47 душ было, но с Серёней и появившимися детишками прибыло.

У Долговых родился Лешка и две сестренки Галка и Ленка. Серёня продолжал носить Алену на руках, а детишек частенько подбрасывал вверх и смеялся. Несерьезный был мужик. Детишек баловал, на последние копейки покупал всякую ерунду и все балагурил. Особого добра в их горнице не было, только смеялись у них дольше всех. По любому поводу. О своем старшем сыне Мише Серёня не вспоминал и в столицу никогда не собирался. Напрочь отрезало. Никто и не заметил, как почти два десятка лет пролетело что тебе один день.

Однажды осенью Алене Александровне соседка принесла страшную весть: Серёню сбила на трассе фура. Насмерть. Все тело мужику искорежила, а лицо без царапины, да чуб кучерявый ветерок трепал. Так и хоронили. Батюшка отпевает, а у Серёни чуб шевелится. Бывает же такое...

Как ни странно, Лешка без лишних слов заменил отца. Успевал в соседней деревне учиться, сестренек нянчить да хозяйством заниматься. Жили небогато, но дружно, лишней копейке да петушку сахарному радовались. Родня помогала. Пробовали к Алене сватов засылать, только она их на порог не пускала. Серёня Долгов для нее так единственным и остался.

Года три-четыре назад в дом Долговых почтальон наведлся. С посылкой. Из самой Москвы. Вся Благодатка сбежалась смотреть. Братья Алены в первом ряду сидели, как почетные гости. Событие, что ты! Оказалось, какой-то Иван Иванович Иванов прислал Лешке настоящий компьютер. Дела-а-а... Лешка к тому времени уже школу-то закончил да на железнодорожной станции с матерью работал. В посылке, кроме компьютера, были какие-то книжки. Лешка был весь в отца: рукастый, головастый, чуб такой же, только очень рассудительный. Сам все книжки изучил и в компьютере том стал разбираться. Да так преуспел, что его дежурным техником на вышку взяли, где интернет, сотовая связь и прочие мудреные вещи знать надобно было.

В прошлом году пришло письмо из столицы. Миша, старший брат, как-то Лешку отыскал и просил приехать в Москву. Мол, его мать Галина Викторовна покинула сей мир, он один живет, вот хочет познакомиться с братом. В гости зовет. На семейном совете долго судили-рядили да порешили, что хуже не будет. Ан беда приключилась-таки. Через пару недель пришла телеграмма от соседки старшего брата Миши в Москве. Оба сводных брата погибли с разницей в пару дней, только один в Америке, другой в Москве. Оказалось, что Миша срочно укатил зачем-то в Америку, а Лешка его в квартире дожидался, но братья так и не встретились. Судьба...

Мишу, значит, в Москве похоронили. Кто – не ведомо. Лешкин гроб в Благодатку какая-то пигалица сопровождала. Взгляд серьезный, а сама что твой воробей. Алене Александровне

в ножки поклонилась и вещи сына передала. Сказала, что зовут ее Варя, что они сдружились с Алексеем. Когда только успели? Помалкивала все время да по хозяйству помогала. Как-то незаметно своей в доме Долговых стала, особенно с девочками. Просто не разлей вода, три подружки, да и только. Чудно со стороны смотреть было, да все быстро привыкли.

Однажды вечером произошел странный случай. Приезжая зашла в комнату девочек. Поболтать о своем, о девичьем. Младшая Галка ей так запросто и говорит:

– Варь, а мы знали, что ты приедешь.

– Откуда? — удивилась столичная худышка.

– Лешка сказал.

– Когда же он успел?

– Аккурат перед твоим приездом, — подтвердила старшая Ленка.

– Если вы меня разыгрываете, — насторожилась Варя, — то это не самая лучшая шутка.

– Уж кто тут кого разыгрывает, — хихикнула младшенькая, — это вопрос. Ты нас за дурочек-то не держи, твою силу за версту видеть.

– И что за сила такая?

– Думаешь, мы не заметили, как ты помогала себе, когда сено скирдовали? — прошептала Галка.

– Ты ж городская, — пояснила Ленка, — а они на поле через полчаса в лежку. Присмотрелась — а ты и вилами сена не касаешься. Само летит и куда надо правильно ложится... Ай молодца!

Они втроем рассмеялись, лукаво поглядывая друг на друга.

– И давно меня раскусили? — поинтересовалась приезжая.

– Да в первый же день, — хихикнула Галка, — ты казанок с картошкой из печи без хватки взяла... Я тебе даже подсказать не успела. Ну, думаю, мало ли что у этих городских.

– Мать ночами не спала после того, как о Лешке узнала, — добавила Ленка. — А ты приехала, так она ни разу не встала за ночь. Нас на утреннюю дойку не подняла. Мы с Галкой вдвоем пошли. Отродясь такого не было.

– Ой, я ж не знала про дойку-то, — Варя прикрыла ладонью рот, словно сболтнула лишнего.

– Научишь? — в один голос прошептали обе.

– Да ничего хитрого в том нет. Вот смотрите... — приезжая сложила ладошки вместе, — потрите друг о дружку, пока горячо не станет, потом, не отрывая больших пальцев, откройте ладони в сторону объекта и повторите три раза: «Сон-трава, что твои рукава, перевяжет сон, боль изгонит вон, не услышишь звон».

Не успела столичная худышка и дважды повторить эту фразу, как обе сестренки, сладко зевнув, закрыли глазки и тихо уснули. Варя даже подошла поближе, чтобы убедиться. Они спали, положив ладошки под левую щечку. Крепкие, пышущие здоровьем, с заплетенными на ночь нетугими светло-русыми косами. Это были явно мамины черты. Только Лешка унаследовал выющийся чуб Серёни Долгова.

– Вот чертовки, — подумалось Варе. — Раскусили меня в первый же день и помалкивали. Я с ног валилась от физической работы, а им все нипочем. У меня после огорода спина просто каменная, даже прокачка большой порции «синего света» по энергетическим меридианам не помогала. Только когда вместе с этими девчонками поплескалась в бане с ушатом колодезной воды да плюхнулась в пуховую перину, все как рукой сняло... Дела... Надо будет посмотреть сестричек.

Столичная худышка начала аккуратно сканировать девочек, потихоньку снимая защиту. Сила почувствовалась сразу. У обеих. Причем это явно наследственное. Хотя у их матери она ничего не заметила. Скорее всего, нужно присмотреться к бабке, родоначальнице клана Пет-

ровых. Варя ее еще не видела. Только слышала уважительные упоминания о бабушке Прасковье, которая живет в доме дяди Фомы.

Значит, их встреча с Алексеем неслучайна. Только почему так сложно? Хотя, с другой стороны, кто-то рассуждал верно, что, кроме смерти, могло привести столичного библиотекаря в эти глухие края. Только судьба. И, скорее всего, когда-то раньше она подписалась под ней. Прости, Лешка, прости, миленький! С этими словами Варя тихонько вышла, затворив за собой дверь девичьей, и блаженно утонула в пуховой перине, которую московской худышке приготовили в горнице.

— Дорогуша, как тебя занесло в эти края? — голос знаменитой пиратки леди Киллигрю, словно гром средь тихой ночи, заставил девушку вздрогнуть.

— Мэри? — все еще не веря в происходящее, прошептала Варя.

— Говори в ментале, я не понимаю ваш язык. Да и смотри весь дом не разбуди.

— Как ты меня нашла? — подумала девушка.

— Другое дело, дорогуша, — прозвучал в ее сознании знакомый голос пиратки. — Тебя не было в ментале целую неделю. Я начала волноваться. Надо же так прикрыться, что ни искорки, ни светлячка не видно. Хотя аура у тебя полыхает... Уж поверь мне. Помнится, в Лестере, на Клэр и в Москве ты так полоснула, что на четвертом уровне было видно. Все внизу ушки к макушке прижали... Когда-нибудь я покажу тебе, как откликается такой всплеск силы в тонких мирах. Особенно последний раз в Москве. Ты что, размахивала «Молотом Тота»?

— Кажется...

— Боже. Милостивый! Вы посмотрите на эту скромницу. — Посредине комнаты возник зеленоватый и полупрозрачный образ пиратки с заправленными в длинные ботфорты полами юбки, камзоле со шпагой на перевязи и широкополой шляпой с большим пером. Она выпсывала от одной стены к другой, широко расставляя ноги, словно моряк на раскачивающейся палубе брига.

— Извини, Мэри, у меня были дела.

— Три тысячи чертей! — Фантом пиратки молниеносно выхватил из ножен шпагу и описал горизонтальную восьмерку ее острием. Ухмыльнулся и не глядя загнал ловким движением клинок обратно в ножны. — Еще тверда рука и верен взгляд. Но канонир мой без работы... Ты не потеряла мое колечко?

— Что ты!

— Я полна соблазна хотя бы взглянуть на него, но это опасно. Завистников хватает...

— Грайне и де Бельвиль уже взяли свои колечки, — грустно подумала худышка, — и ты скоро уйдешь за ними следом.

— Признаться, места себе тут не нахожу. Всю последнюю неделю шарила по вашей столице в надежде отыскать след твоей ауры, но ни намека. Как Грэйс отыскала тебя в том муравейнике?

— Спроси у цыганенка, которым она стала. Последний раз я видела его в Лестере.

— Грайнэ на уровень сильнее меня, — с нескрываемым сожалением прозвучало у Вари в сознании.

— Если говорить о француженке, то де Бельвиль год ждала своего колечка.

Фантом леди Киллигрю перестал метаться по горнице и, повернувшись, внимательно посмотрел на Варю, сидевшую по-турецки на пуховой перине.

— Ты что-то хочешь сказать? — пиратка приблизилась к девушке и наклонилась, чтобы заглянуть поглубже в ее сознание. — Признаться, тебя трудно прочесть, дорогуша. Вижу какой-то вопрос. Адресован мне, но ты не хочешь говорить. Что-то случилось с моим колечком?

Рука фантома легла на эфес шпаги, но девушка остановила ее жестом.

– Нет-нет. Не волнуйся... Просто я здесь потому, что хотела помочь двум сестричкам Алексея.

– Ты говоришь о том ангелочке, который спал на скрипучей походной кровати рядом с тобой в доме моей матери в Шотли Гейт?

– Да... — подумала столичная гостья, готовая разрыдаться от нахлынувших воспоминаний.

– Стоп! — громко отдалось в ее сознании, словно кто-то гаркнул в шторм, чтобы перекричать шум шквалистого ветра. — Три тысячи чертей! Если кто-то посмел тебя обидеть, будет иметь дело с Киллигрю.

– Он получил свое... — Варя чуть не плакала.

– Так вот почему ты размахивала «Молотом Тота», — догадалась пиратка. — И того ангелочка с тобой уже нет... Это бывает. Я тебе уже рассказывала свою историю. Бродячие души обречены на одиночество. Впрочем, не всегда. Еще будут пылкие романы, поверь старушке, носившей в девичестве фамилию Вулверстоун... Значит, не стала мелочиться и садила того гада молотом? Слушай, ты мне все больше нравишься. Мы могли бы сыграть неплохим дуэтом какой-нибудь славный водевиль.

Девушка промолчала, все еще борясь со своими переживаниями. Гостья тоже умолкла, но лишь для того, чтобы появиться в шикарном вечернем туалете с глубоким декольте и распущенными пышными волосами цвета червонной меди.

– Так что ты хотела спросить? — леди Киллигрю застыла в эффектной позе, ожидая ответа. — Если я смогу помочь тебе в тонком плане, то можешь не сомневаться, что сотня крепких ребят станут плечом к плечу. Только назови его имя... Если он, конечно, уже здесь.

– Нет-нет, Мэри, — вскинулась москвичка. — Я хотела бы вернуть долг.

– Ты не нашла бочонок золотых вместе со своим колечком в той стене, о котором говорилось в записке, хранившемся в медальоне моей матушки? Де Бельвиль что-то напутала в своей считалке? Я всегда повторяла, что французам нельзя доверять.

– Постой. Все было в точности, как сказано в записке из медальона. Речь не о деньгах... У того ангелочка, как ты сказала, есть две сестренки. Они очень способные. Я заглянула поглубже в их души и увидела силушку немереную, но она дремлет. Мы встретились неслучайно, я уверена, что должна им помочь прочесть Первую книгу.

– Боже милостивый! — Вулверстоун сделала шаг назад в глубоком реверансе. — Так я во дворце двух Принцесс силы! Предупреждать надо...

– Ты знала их?

– Что ты, дорогуша, их никто не видел. Есть только старая кельтская легенда о двух Принцессах с дремлющей силой из страны благодати или рая... Это смутно, но точно помню, что им суждено отыскать какую-то Книгу в тайнике, о котором известно только им. Причем узнать о своем предназначении Принцессы могут лишь от проводника бродячих душ. Очень похоже, что это ты!

– Никогда не слышала ничего подобного, — призналась худышка.

– Единственное, что меня смущает в этой истории, так это оговорка.

– Какая оговорка, Мэри?

– По легенде проводник должен быть девственницей и пройти первую инициацию Бродячей души до того, как Принцессы Силы прочтут Первую книгу.

– Ну, с первым пунктом проблем нет...

– Боже милостивый! — перебила ее пиратка. — Как тебе удалось? У нас в твоём возрасте уже меняли двух мужей и растили троих детишек.

– Такая уродилась... — грустно подумала Варя. — А что за первая инициация?

– Святая наивность! — Вместо леди в комнате опять возник фантом пирата с длинной широкой юбкой, направленной в высокие ботфорты. — Ты должна стать родоначальницей бро-

дячих душ, то есть у тебя должно появиться кольцо, хранимое и передаваемое старшей женщиной в роду, которого никогда в роду не было.

– Признаться, кольцо из того клада в стене замка не принадлежит моему роду. Сколько я ни спрашивала свою маму, она ни о каком кольце никогда не слышала.

– В таком случае кто-то из другого древнего рода бродячих душ по какой-то причине не передал свое кольцо одному из своих потомков, а оставил на хранение доверенному лицу из наших.

– Так ты не знала, что твоя мать была хранительницей? — искренне удивилась Варя.

– Боже милостивый! Нет, конечно, и не подозревала!

– Послание в медальоне твоей матери пролежало в земле 434 года, а до этого оно принадлежало какому-то другому роду...

– Верно, дорогуша, — пиратка подошла вплотную к девушке. — Наследники последней хранительницы того кольца могут объявить на тебя охоту, если узнают, что их родовое кольцо вдруг всплыло в плотном плане... Представляешь, сколько неприкаянных душ того рода застряло в астрале?

– Это может быть целой армией...

– Ну, каждый из нас тоже стоит немало. Если речь пойдет о войне, все бродячие души откликнутся. Уж я позабочусь об этом. Не забывая о лысой Грайнэ! Она дама чести... Так чем я могу быть полезна двум Принцессам силы? Почту за честь служить будущим хранителям Книги.

– Прежде всего, они должны прочесть Первую книгу. В полном погружении.

– Ты знаешь, у кого эта книга сейчас? — Леди Киллигрю поставила защиту в виде фосфоресцирующего кокона вокруг обеих собеседниц.

– Да. — Варя тоже прикрылась «щитом Персея» в плотном плане. — На острове Сицилия. В городке Трапани. Хранитель — старик Джузи.

– А ты можешь с ним пообщаться в ментале, чтобы подготовить полное погружение?

– Нет, я же новичок, — смущенно подумала девушка. — Мне доступен только контакт, инициированный кем-то из ментала.

– Не беда. Опиши мне этого старичка. Познакомлюсь... — хихикнул фантом.

– Он одинок, аура серебристая с васильковым оттенком. Любит прикрываться тигром в домашних тапочках.

– Боже милостивый! Так он еще и шалун...

– Да, пошалить любит, несмотря на свой преклонный возраст. Хотя и не так прост.

– Уговорила. Береги мое колечко! — Фантом пиратки коротким движением смахнул защиту и отступил назад, сдернув широкополую шляпу, и с широким реверансом раскланялся.

Варя осталась сидеть на перине в полной тишине. Впрочем, какие-то звуки все же были. Где-то вдаль простучали вагоны товарняка и сипло свистнул тепловоз. На окраине Благодатки залаяла собака, тут же с противоположной стороны ей откликнулась другая. Потом опять все стихло. Где-то скрипнула половица... Тут столичная гостья поняла, что звук идет из девичьей. Она прикрылась плащом Морфея и скользнула в сторону спящих сестричек. Подойдя к двери, она почувствовала сердцебиение бодрствующего человека. Потом еще одно.

– Вот мартышки, — подумала москвичка и улыбнулась, — провели меня еще раз. С ними нужно держать ухо востро. Похоже, легенда о двух Принцессах силы к этим сестричкам подходит как нельзя лучше. Хотя проверок на их пути будет еще немало.

И все же интуиция подсказывала, что это неспроста. Все в ее жизни неслучайно. Варя, не осторожничая, открыла дверь в девичью и прошла к кровати старшей сестры. Села у изголовья. Галка умело демонстрировала спящую, даже натурально посапывала, уткнувшись носиком в подушку.

— Подслушивать нехорошо, — спокойно прошептала столичная худышка, — могут и уши надрать. Кто лопоухих замуж возьмет?

Сестрички упорно продолжали игру. Тогда Варя мягко воздействовала на обеих, внушив им же их образы с огромными красными ушами, свисающими до плеч. Обе не выдержали и прыснули от смеха, зарывшись в подушки. Тогда она дорисовала им еще и длинные носы, на которые вот-вот должна была наступить чья-то нога. Этому девчонки не могли выдержать и расхохотались в голос. Следом за ними Варя. Не прошло и минуты, как в девичью влетела встревоженная мама Алена. В длинной ночной рубаше, простоволосая, с накинутым на плечи платком. В одной руке у нее был фонарик, в другой скалка. Троица встретила защитницу дружным хохотом.

— Да ну вас к лешему, — в сердцах ругнулась хозяйка дома. — Спать давно пора, а не гоготать. Ну, все в Серёню...

Она растерянно огляделась и присела на кровать к младшенькой. Та примирительно обняла мать за плечи и стала что-то ласково ей нашептывать. С другой стороны к ним подскочила старшенькая. Они так и сидели, обнявшись и посмеиваясь время от времени.

— Втроем мы остались, — оправдывалась Алена Александровна, — не ровен час полезет кто. Кровиночки вы мои. Вот я и за мужика теперь осталась.

— Мам, не переживай зря, — тихо произнесла младшенькая, — Лешка и Серёня рядом.

— Да ну вас к лешему, — отмахнулась она. — Вечно со своими шуточками.

— Честно-честно. Серёня сказал, что Звездочка просила ей ромашек не подсыпать в сено. Горькие больно.

— Вы отца так Серёней и зовете? — удивилась Варя.

— Да они его отцом никогда и не называли, — ответила за сестер мать. — Шебутной он был и неугомонный. Таким и остался в нашей памяти... Эти мне в уши дуют, что говорят с обоими, а я и верю. Все полегче.

— Ну, уши у них теперь что надо будут...

Столичная наставница не договорила. Сестренки зашлись таким хохотом, что в соседнем дворе залаяла собака. Только их Полкан не подавал голос из своей будки, понимая, что причин для беспокойства нет.

— Варя, ты хоть с ними поостроже, совсем от рук отобьются. Кто таких замуж возьмет?

— Да мы, собственно, и начали это обсуждать, Алена Александровна.

— Ладно, — примирительно сказала хозяйка. — Заканчивайте и спать. Завтра на утреннюю дойку всех подниму.

— Мам, — в один голос прошептали сестры, — только про ромашку не забудь.

Когда шаги хозяйки стихли, обе с любопытством посмотрели на гостью.

— Варь, а кто это в шляпе и со шпагой был?

— И та красotka с декольте...

— Леди Мэри Вулверстоун, — улыбнулась девушка. — Потом как-нибудь расскажу, а пока — спать.

ГЛАВА II. АНГЛИЯ, ЛЕСТЕР

Осень в одном из старейших городов Англии, что обосновался в самом центре острова на пересечении торговых дорог, как всегда, была дождливой. Сказывались теплые ветра с Атлантики, щедро согреваемой Гольфстримом. Однако, иногда налетал и холодный Норд, приносящий изредка даже снег. Впрочем, не только ветра одолевали остров.

Свой след здесь оставили и римляне, чьи старинные постройки и потертые мостовые видны до сих пор, и германские царства в период семивластия, и викинги, чьи набеги оставили не только погребальные курганы, но и немало слов и обычаев в культуре. В средние века жители города возводили замки и крепостные стены, которые защищали их во время Войны Белой и Алой роз между Ланкастерами и Плантагенетами, завершившейся приходом к власти Генриха Тюдора. Горожане до сих пор прислушиваются к скромному бою курантов на Часовой башне, некоторые посещают церковь Святой Марии, построенной в XII веке и, конечно же, действующий кафедральный собор Святого Мартина, в стенах которого расположена усыпальница Ричарда III.

Придуманый автором, скрывающимся за именем Шекспир, неприятный образ горбатого властолюбца, не щадящего ни женщин, ни детей на пути к своей цели, растраженный Голливудом и опровергаемый различными современными исследователями, ищущими исторической правды о личности последнего из Плантагенетов, притягивает в Лестер бесконечные вереницы туристов, литературных фанатов и бездельников, стремящихся погреться в отблеске памяти отважного воина. Их маршруты непременно пересекаются под сводами кафедрального собора Лестера, чьи неоднократно перестроенные стены хранят больше небылиц, чем правдивых историй.

Впрочем, не все относятся к собору Святого Мартина как к некой охраняемой старине наподобие развалин замка Кирби, стоящего неподалеку. Небольшая группа лиц, ведущая замкнутый образ жизни, посвященной единой цели воцарения справедливой власти Ордена «Сынов Света», считала кафедральный собор оплотом «светлых» сил всего человечества. При чем Лестер ими был выбран неслучайно. Еще в 670 году город стал резиденцией католического епископа, отчего заслужил статус «сити». Правда, разрыв Генриха VIII Тюдора с католической церковью в 1533 году из-за нежелания Папы аннулировать брак монарха с Екатериной Арагонской повлек за собой немалые последствия.

Непреклонный король Англии Генрих VIII настоял на своем, и архиепископ Кентерберийский — Томас Кранмер — аннулировал брак монарха и Екатерины, чтобы через пять дней венчать влюбленного Генриха VIII с Анной Болейн. В те времена такое отношение к католическим традициям каралось отлучением от святой церкви. В итоге и архиепископ, и король Англии были безжалостно вычеркнуты из списка благочестивых католиков. Каяться в содеянном они не подумали, поэтому решили найти благодать в рядах протестантов.

Спустя ровно 480 лет в той же Англии премьер-министр Дэвид Камерон выступил с инициативой легализации однополых браков в Объединенном королевстве. Папа не возражал. В июне того же 2013 года законопроект поддержала Палата общин британского парламента. Либерально-демократические принципы стали католическими. Вообще за пять веков взгляды и традиции католиков, протестантов и мусульман, прибывавших на остров в качестве дешевой рабочей силы из многочисленных колоний, перемешались настолько, что в наши дни одну из медсестер католичек уволили с работы за отказ снять золотой крестик на работе, якобы раздражающий мусульман, которым, кстати, разрешается не снимать хиджаб в общественном месте, что не только противоречит взглядам католиков, но и тривиальным методам безопасности.

За прошедший год после принятия решения о «брексит» в стране ничего существенного не произошло, только высокие комиссии обсуждали, сколько Лондон должен Брюсселю и дол-

жен ли вообще. Впрочем, Орден «Сынов Света» не вмешивался в мирские дела подданных ее величества, у него были иные проблемы...

— Храни Господь Святой Орден, — тихо прозвучал одинокий голос в тайной комнате без окон под северным пределом кафедрального собора Святого Мартина. Таким же приветствием откликнулось еще семь голосов.

Восемь из девяти членов Тайного Совета Ордена были в сборе. Их всегда было именно девять, поскольку эта максимальная цифра символизировала духовную зрелость, вершину жизненной мудрости и, конечно же, удачу. Сегодняшняя восьмерка тоже обозначала некое божественное наследие, поиск и достижение гармонии, а также перевернутую бесконечность, символизирующую вечную борьбу Ордена с силами тьмы. Однако полагалось, что одно из свойств восьмерки было неприемлемо: она предполагала четное количество голосов в спорном вопросе, а это порождало неоднозначность в принятии решений, что было недопустимо.

Впрочем, тут братья явно лукавили. Нечетное количество голосов смущало их, а отсутствие девятого члена Тайного Совета, которым был Магистр Ордена. Причина, не позволявшая ему открыть по традиции Собрание, была уважительной. Вот уже почти полгода, как он покинул грешный мир, не оставив преемника и завещания. Покинул неожиданно для всех, но тень его властного облика еще бродила под гулками сводами старого храма.

Все сроки, отведенные Уставом Ордена на подобные процедуры, окончились безрезультатно. Консультации, споры, уступки и обсуждения только усиливали противоречия между претендентами на старый резной трон из пожелтевшего песчаника, вывезенный когда-то из развалин монастыря ессеев в местечке под названием Вади-Кумран. Многие мечтали примоститься на место «Учителя праведности», проповедовавшего две с половиной тысячи лет назад на западном берегу Иордана. И хотя расстояние от этого местечка до Иерусалима составляло около двадцати километров на восток, идеологические расхождения с учением, которое проповедовал первосвященник во Втором храме, было намного больше.

Путь воинов Света, вышедших из той безводной пустыни, был извилист. Сначала это были малочисленные общества, втайне читавшие тексты, написанные «Учителем праведности», потом возник Орден «Сынов Света», несущий через века заветы, отличные от трех основных религий нашего времени. Да и многие идеи то ли позабылись, то ли стали неактуальны, то ли были адаптированы под современные особенности европейского общества. Разве что, резной трон из песчаника не претерпел каких-либо изменений.

Смотреть более на пустующее святое место уже ни у кого не было сил, и оставшиеся восемь членов Тайного Совета Ордена все же договорились собраться и решить основной вопрос. О власти. Кто станет Магистром ордена и кто войдет девятым в Тайный Совет. Так иногда в Папском дворце Ватикана собирают всех кардиналов и закрывают на ключ до принятия решения. Опасно оставлять надолго организацию без головы. Поэтому, отложив все дела, не полагаясь на общение в прямом эфире, как это обычно происходило на обсуждениях, восемь комендантов крепостей, разбросанных по разным странам, собрались в девятой крепости, обезглавленной коварным русским мастером. Особенность их встречи состояла еще и в том, что, согласно отредактированному в 1313 году Уставу Святого Ордена, Магистр выполнял еще и роль прелата кафедрального собора Святого Мартина в Лестере.

Открыл Собрание не старший по званию, но по возрасту – брат Саймон. Значение имени, полученного им в братстве, очень подходило к тогдашнему гловелю (то есть разведчику), поскольку обозначало выдающегося напарника. С ним все любили работать, потому что Саймон всегда выбирал роль ведомого. Казалось бы, заведомо проигрышная позиция в карьере позволила этому неконфликтному человеку средних способностей остаться в живых во всех рискованных предприятиях и возглавить (хотя бы временно) Восточную крепость Ордена,

попасть в которую даже послушником почитали за честь отпрыски самых известных фамилий Европы.

– Братья, — негромкий голос Саймона соответствовал печальному событию, — Господь ниспослал нам нелегкие испытания, но дух наш тверд и вера в святое дело Ордена непоколебима. Прошлым летом подлым врагам удалось выбить из нашего строя лучших бойцов. Этот скорбный список вы хорошо знаете: лайтеры Мэйсон и Оливье, четверо флэшеров и шестеро гловеров и, наконец, магистр Джерри. Под его руководством Орден почти достиг желанной цели перехода под нашу юрисдикцию храма Святого Мартина Исповедника в русской столице, но происки черных сил помешали нам насладиться победой.

Саймон выдержал паузу, обводя взглядом присутствующих, как это обычно делал Светлейший, но ожидаемого эффекта не последовало. Никто из присутствующих комендантов Северной, Русской, Южной, Атлантической, Нормандской, Восточной, Аргентинской не почувствовал силу, присущую ушедшему в мир иной Джерри, которая пробивала любую защиту. Более того, «рикошет» зацепил оратора, и он совсем сник.

Саймон еще что-то говорил о долге и неминуемом возмездии, но его уже никто не слушал. Каждый начал взвешивать свои и чужие шансы на заветную вакансию, краем глаза поглядывая на соседа. Люди такого ранга в Ордене уже редко видели друг друга воочию, сканируя и ставя защиту, прощупывая реальные возможности или то, что от них осталось. Обычно они собирались на конференции в прямом эфире, сидя перед большим экраном у себя в офисе, где можно было сохранять имидж бойца без особого напряжения. Поддерживать же реальную физическую форму для работы в ментале с годами становилось все труднее. Нужно быть фанатом, как Джерри, который ежедневно проводил изнурительные многочасовые тренировки по «накачке» себя энергией, чтобы выплеснуть ее в секунду для «красного словца». Зато это давало ему непререкаемый авторитет, особенно среди молодежи.

Вот и сейчас двое сильнейших лайтеров Ордена – Вильям и Джеффри – сидели особняком. Вильяма с большим трудом удалось вывести из состояния, близкого к коме, лишь месяц назад. Еще летом он по заданию Светлейшего сканировал двух пациенток психиатрической клиники в Чиппенхауме: Карис Коул и Тересу Кабрера, которые угодили в «дурку» после странного инцидента на фестивале, собиравшем ежегодно на острове Клэр в Ирландии любителей романа Энн Чэмберс «Грануаль королева пиратов» и одноименной компьютерной игры.

Стараясь понять причину шизофрении дезорганизованного типа, которую врачи клиники констатировали у обеих пациенток, Вильям попал в «черный тоннель» во время глубокого сталкинга их памяти. Случай был уникальным и потребовал более сорока сеансов гипноза, чтобы восстановить когнитивные нарушения. Пока Вильям находился в карантине под пристальным вниманием специалистов и не допускался к серьезным проектам.

Джеффри, напротив, был в хорошей форме после успешного полного погружения для чтения Второй книги, находившейся в особо охраняемой зоне библиотеки Ордена во французском Арле. Он то и дело «играл мускулами», проходя защиту более опытного Вильяма, посвященного на пятый уровень силы. По факту Джеффри официально имел только четвертый уровень, но тщеславие подталкивало его все ближе и ближе к той черте, которую не следовало бы переходить между братьями Ордена. Однако на кону этой игры стоял титул Магистра Ордена и все вытекающие отсюда привилегии.

Никто из претендентов на звание Светлейшего не хотел вспоминать страшную гибель предшественников. Восемь лет прошло со дня смерти Магистра Константина (предшественника Джерри) в стенах Северной крепости от удара такой силы, что были выжжены все чакры и энергетические меридианы. Не менее жуткой оказалась смерть двух лайтеров Мейсона и Оливье, соответственно, шестого и пятого уровней с похожими симптомами, которые в прошлом июле официальная экспертиза русских определила как «наступившие в результате удара молнией». Странные грозы случались в Москве!

Последняя смерть, потрясшая Орден, была потеря Магистра, носившего в монашестве имя брата Джерри. По некоторым причинам она публично не обсуждалась. Дело в том, что Светлейший был найден вместе с двумя сопровождающими его гловерами в машине на магистрали «Е1», протянувшейся от Росслэр Харбор до Дублина на острове Клэр в Ирландии. Пикантный момент, вызвавший всяческое замалчивание инцидента, был самым настоящим позором.

Дело в том, что оба гловера были мертвы, а Светлейший полностью лишился рассудка и памяти. Его опознал как прелата один из прихожан кафедрального собора Святого Мартина, когда фото неизвестного показали по телеканалу в рубрике «Найти человека». Это не была смерть в бою на лихом коне с развевающимся флагом и обнаженным клинком как яркий пример для подражания. Это было унижительное даже для простого смертного беспомощное состояние существа, лишенного личности и не способного себя обслуживать. Кто-то очень сильный выбил мощное оружие из рук лайтера, посвященного в пятый уровень силы, но не убил, а оставил гнить в канаве. Такого унижения Орден вынести не смог, и старика на следующий день не стало.

Саймон что-то еще говорил о наследии учителей, о долге ныне живущих, но не обмолвился ни словом о главном, и это было серьезно. Пошатнулась уверенность в могуществе Ордена, который был, по сути, обезглавлен в течение прошедшего лета. Два тысячелетия сияния Сынов Света померкло, и уже никого особенно не волновало, был ли это русский мастер ментального удара или китаец, один или в команде. Появилась вполне реальная сила, которая перемалывала кости Святому Ордену по одному и в группах. Любой ученик школы гловеров или практикант флэшера задавал себе законный вопрос: если из самых крутых мастеров этой школы ментального удара кто-то легко делает «запеканку», что будет с новичком?

Словно следуя сценарию Священного писания, каждый просил: «Яви чудо» — и тогда за тобой потянется паства. Кто будет верить поводырю, если он, как все окружающие проходимцы, был способен только на болтовню. В Ордене назревал серьезный внутренний конфликт, в который втягивались наглецы, готовые рискнуть двумя тысячелетиями истории и традиций, лишь бы заполучить перстень Светлейшего. Многие понимали, что выстоять можно, лишь объединив все оставшиеся силы, вопрос только, вокруг кого эти силы объединять. При всем уважении к присутствующим, никто подобным авторитетом не обладал. Судя по интонации, оратор заканчивал свою никчемную речь, и последняя фраза всех заставила встрепенуться.

— В сложившейся ситуации, братья, — уверенно произнес Саймон, ни на кого не глядя, — предлагаю свою кандидатуру в качестве Магистра Ордена на переходный период. Скажем, на год. Надеюсь, что Триумvirат поддержит мою кандидатуру в сложившейся ситуации. Нужно единоначалие, основанное на личной ответственности. Вам хорошо известен мой стиль работы, максимально ориентированный на консенсус. В мое отсутствие пост коменданта Восточной крепости предлагаю поручить прелату собора Иоанна Крестителя во Вроцлаве, брату Остину...

Не дожидаясь реакции на столь неожиданный выпад со стороны вечно помалкивающего члена Тайного Совета, Саймон спокойно продолжил:

— Согласно заведенному порядку, прошу высказываться по очереди, слева направо...

Каждый из оставшихся семерых членов Тайного Совета медленно вставал с неудобной скамейки и произносил очень короткую речь, непременно упомянув добрым словом почивших в бозе за общее дело и необходимости сплотиться в трудный час, но конкретных слов «за» или «против» не прозвучало. Когда же настал час голосования, все тот же брат Саймон быстро организовал этот важный процесс по всем правилам протокола, зафиксированного в Уставе Ордена. Каждый написал имя своего кандидата на кусочке красной бумаги и, свернув ее в трубочку, опустил в запечатанный сургучом кубок. Двое братьев, сидевших по краям одной скамейки, открыли кубок на виду у остальных, извлекли восемь свернутых трубочек и прочли

имена. Шестеро против двоих выбрали Саймона Магистром Святого Ордена. Брат Остин стал комендантом Восточной крепости. Оба временно, на один год.

Не прозвучали ни поздравления, ни обещания. Все случилось как-то обыденно и просто. Присутствующие скрепили восемь подписями и личными печатями написанную здесь же Индугенцию и вручили ее новому Магистру.

— Храни Господь Святой Орден, — все тем же тихим голосом проговорил новый Светлейший, еще не надевший на указательный палец правой руки перстень с черепом, символ бренности человеческой жизни и высшей власти Ордена, который ждал нового хозяина в сейфе его кабинета.

— Храни Господь Святой Орден, — откликнулись семь голосов в комнате без окон.

Подождав, пока все разъедутся, только что избранный Светлейший вошел в кабинет прелата кафедрального собора Лестера и позвонил в маленький серебряный колокольчик. Тотчас, едва приоткрыв массивную дверь, в комнату боком протиснулся перепуганный парнишка в длинной белой рясе, подпоясанный скрученной особым образом толстой веревкой. Он явно долго томился в ожидании новостей и не знал, куда деть свои руки.

— Как тебя зовут? — тон брата Саймона без обиняков говорил, кто теперь Магистр Ордена.

— С-стив, — он никак не мог побороть свое волнение.

— Успокойся, брат мой, — неожиданно мягко почти прошептал Светлейший. — Пригласи ко мне писаря, чтобы оформить распоряжения, и приготовь мне черный чай. — Он жестом задержал готового сорваться с места служку и доверительно улыбнулся. — Только не перебеи посуду... Прежде я покажу тебе, как я предпочитаю пить чай. Надеюсь, одного раза будет достаточно?

Уже стемнело, когда Магистр остался один. Позвонив кому-то по сотовому, он несколько раз прошелся по кабинету, словно примеряя его на себя, как одежду. Через несколько минут служка доложил, что аудиенции Светлейшего ожидает брат Седрик.

— Храни Господь Святой Орден, — поприветствовал Магистра тридцатилетний флэшер, бесшумно войдя в просторный кабинет, и по-кошачьи мягко припал к правой руке, на указательном пальце которой тускло отливал серебром перстень, украшенный черепом.

— Аминь, дорогой Седрик, — брат Саймон жестом пригласил гостя сесть к чайному столу и дважды позвонил в серебряный колокольчик.

— Позвольте, Светлейший? — в проеме отворенной кем-то двери кабинета появился служка с подносом.

Магистр кивнул. Пока Стив расставлял чайный сервиз на столике, двое молчали. Лишь после того как за служкой бесшумно закрылась дверь кабинета, бывший комендант Восточной крепости вопросительно взглянул на гостя:

— Ты принес все, что я просил? — Гость утвердительно кивнул. — Давай проверим...

Светлейший попробовал позвонить по сотовому, но понял, что вообще ни одна функция коммуникатора не работала. Отказывались работать и телевизор, и пульт управления к нему.

— А видеокамеры? — поинтересовался хозяин кабинета.

— Беспроводные смогут только записывать на свою флешку, но их легко ослепить лазерной указкой.

— Аккумулятор сколько протянет?

— Больше суток.

— Тогда не выключай, — Светлейший немного помедлил, но твердо продолжил: — Мы должны подготовить собственную гвардию в рядах Ордена, иначе ситуация повторится. Так бездарно подставить лучших лайтеров под молот русского мастера ментального удара мог

только Джерри. Ну ладно, он испугался и спрятался в Арле в то время, когда Константин устроил ловушку русскому в Намюре. Интуиция всегда была сильной стороной Джерри. Уж не знаю как, но он предвидел удар русского и подставил под него своего предшественника. На Константина обрушился «Молот Тота», пробивший двухметровые гранитные стены Северной крепости...

— Я не видел записи расследования, — покачал головой Седрик, — но думаю, что на верхних этажах вышла из строя электропроводка.

Вместо ответа брат Саймон лишь в отчаянии отмахнулся от жутких воспоминаний. Они помолчали.

— С вашего позволения, Светлейший, я восстанавливаю наш контракт с Валороссо по обмену сеансами на чтение Первой и Второй книг.

— Три к одному?

— Я подготовил финансовые проблемы в Милане для младшего Валороссо, так что думаю склонить его на коэффициент десять к одному.

— Это весьма кстати, дорогой Седрик. Я распоряжусь о командировке двух десятков наших лучших гловеров в Трапани. Скажем, первая группа на Вознесение Господне, а вторая — на день Святой Анны. Так, чтобы на день Святого Игнатиуса они все прошли полное погружение у нас в Арле.

— Подготовить для прошедших оба погружения сухую голодовку в монастыре Святого Георгия?

— Да, планируйте на день Святого Антония недельный тест. В конце июля там будет под пятьдесят в тени. Даже если отсеб составит половину, получим десяток приличных рыцарей. Мы должны вытащить эту занозу... Ну, вы знаете откуда. — Брат Саймон осенил себя крестным знаменем. — Прости мя, Господи.

ГЛАВА III. РОССИЯ, МОСКВА

— Когда занимаешься энергетическими практиками, прикрывайся, — неожиданно прозвучало в голове Вари.

— Это вы мне? — неуверенно спросила девушка.

— Конечно, — ответил тот же голос, — открыла такой мощный канал, а сама как на ладони. Тебя не учили зеркало ставить?

— Признаться, я самоучка... Эту технику не знаю.

— Для обладателя силы такого уровня звучит странно, — засомневался голос. — Если, конечно, это не ловушка. Некоторые так развлекаются: приоткроют защиту и сверкнут чем-нибудь, а когда глупышка-новичок сунет нос, его и прищемят.

— Нет, я не охотник, — обиделась Варвара. — Простите, могу я узнать ваше имя?

— Ждана, — просто ответил голос.

— Впервые слышу славянское имя в ментале, — обрадовалась девушка и даже села на своем скромном диванчике. — Мое имя Варвара. Из рода Орловых.

— Могу я войти, Варвара?

— Конечно, проявляйтесь в любом виде, который вам удобен.

В слабом уличном освещении, пробивающемся сквозь зашторенное окно, появился фантом зеленоватого свечения. Это была женщина средних лет, в длинной двойной рубаше до пят из дорогой материи, расшитой ярким орнаментом, и подпоясанной нарядным поясом с золотой бляшкой. На груди в три ряда поблескивали солидные украшения. На плечи был накинут плащ из плотной красной ткани. Очевидно пышные волосы скрывал вышитый платок, на лбу красовался обруч с драгоценными камнями, в ушах — солидные серьги с жемчугом.

— Вот это да! — едва не вскрикнула худышка, прижав ручонки к своей более чем скромной пижамке. — Я удостоена высокой чести принимать особу княжеского рода.

— Перун всемогущий! — отмахнулась от нее гостья, хотя перстни на пальцах нескромно сверкнули. — Я княгиня только по мужу Словену, а в девичестве была простолюдинкой из семьи рыбака... Если тебе интересно, мы поговорим об этом, только зеркальце поставь сначала.

— Простите, Ждана, но я действительно не знаю такой защиты.

— Голубушка, ужель медного зеркальца в красном ларце не сыщется? В твоём возрасте и детишек пора иметь, и за собою следить.

— Я с детства была пацанкой, а сейчас тем более, — махнула рукой худышка.

— Не лукавь, умница. С такою силушкой управляться не всякому дано. Уж тебе ли этого не знать? Так что ты могла выбрать любого мужчину...

Худышка в пижамке промолчала и попыталась сменить тему разговора.

— Что такое зеркало, я, конечно, представляю, но в чем секрет — не ведаю.

— Хорошо, — решила подсказать ей гостья, — какой цвет у Велеса?

— Голубой. От него потом пошла легенда, что все правители голубых кровей.

— Верно... Лед на Беловодье примечала?

— На Беловодье еще не была, но знаю, что толстый лед на реках голубым кажется.

— Вижу, что умница передо мной, — усмехнулась гостья. — Вот и поставь над собою зеркальце не медное, а голубое, тогда все, что ниже голубого, отразится вспять, а равное и сильнее пройдет к тебе. Весь секрет...

Варя закрыла глаза и сосредоточилась. Представила себя на дне большой сибирской реки, покрытой метровым голубым льдом, а воду убрала. Стало легче дышать, почувствовалась прохлада, несмотря на то, что под Новый год батареи отопления старались вовсю. Она осторожно открыла глаза. Княгиня в красном плаще улыбалась, сложив руки на груди. Правда, ее фантом стал наполовину прозрачнее.

— Велес всемогущий, вот так, скромница... — покачала гостя головой, отчего ее сережки тоже укоризненно качнулись. — Такую избушку ледяную поставила, что даже мне пробиться не так просто. Ну, зато теперь шушера всякая зубы обломает, если рискнет ненароком попробовать, зато тебе изнутри далеко видать.

Девушка в потертой пижамке только пожалала плечиками.

— В твоём времени женщины носят такие простые одежды? — гостя подошла поближе и пригляделась. — И мужчины не чую рядом. Ты в заточении?

— В добровольном, — грустно пошутила худышка.

— Странно. Аль женскими чарами не владеешь... Впрочем, вижу чей-то золотистый след в твоей душе... Вот так князюшка! Достойный свет очей твоих, девица. Понятна мне теперь твоя печаль. Что же кручинишься? Несвободен твой молодец?

— Мы только друзья...

— Извини за нескромный вопрос. Сколько ж тебе годков?

— Как сказала одна моя знакомая, пора двух мужей поменять да троих деток поднять.

— Мне тоже так показалось. — Ждана прошлась по комнате. — Я своего Словена тоже не сразу выбрала. Знала, что объявится, а когда — не ведала. Семнадцать зим никого к себе в постель не пускала, хотя и люто бывало. Он восемнадцатым летом аккуратно на Ивана Купалу и появился. С братьями место для своих городов искал.

— Простите, а как братьев звали, если не секрет?

— Вот уж тайна за семью замками! — рассмеялась гостя. — Пятеро их было: Словен, Рус, Болгор, Коман да Истр. Все витязи и красавцы, только Словен мне сразу глянулся. Сердцем почуяла, что он — судьба моя. Заглянула в его душу — мой мужчина. Так все и сладилося.

— Вы сказали, что родом из семьи рыбака?

— Предки были поморами, но после большой зимы перебрались на озера южнее, где можно было рыбачить, да так и остались там.

— Понимаю... Скорее всего, это Онежское и Ладожские озера, а между ними проход по реке Свирь. Если не ошибаюсь, то Онежская губа — это уже Белое море, которое называлось в ваше время Беловодье.

— Конечно, а в твоё время иначе?

— Неважно, будем использовать названия, удобные для вас, Ждана... Скажите, если братья искали место под строительство городов, значит, они были неместными и золотишком богаты.

— Верно. Братья пришли с юга. Только у них с собой не деньги для строительства городов были, а их народ.

Услышав такой ответ, Варя неожиданно замолчала. Оказалось, что перед ней был фантом очевидца тех времен, о которых ныне не осталось документов. Только домыслы. Причем у многих честных исследователей была уверенность, что документы уничтожены неспроста.

— В моём времени, Ждана, мало известно о Словене и его братьях, поэтому мне очень хочется узнать об этом периоде побольше. Не сочти за труд хотя бы в двух словах рассказать о том.

— Вот удивила так удивила, — гостя чуть склонила голову, пытаясь вникнуть в суть удивившего ее вопроса. — В твоём времени не знают о городе Словенске и кто его построил?

— К сожалению, только легенды. Летописей нет.

— Никаких следов? — все еще сомневалась княгиня. — Скажи, а какой год сейчас в твоём времени, если у вас еще помнят о Сотворении Мира в Звездном Храме?

— В день осеннего равноденствия будет 7 525-ый год.

Фантом в красном плаще застыл на месте и, закрыв глаза, начал шевелить губами и загигать пальцы с перстнями. Было похоже, что она считает.

— Сорок четыре века! Так далеко я еще никогда не уходила.

Княгиня в порыве шагнула к сидящей на раскладном диванчике худышке и присела перед ней на корточки.

– Представляешь, мы представители одного народа с разницей в... 44 века и 12 зим!

– Вы говорите о 3 113-ом годе со дня Сотворения Мира в Звездном Храме? — подумала Варя и удивилась, только добавив вторую цифру. — Это 2 395-ый год до Рождества Христова.

– В моем времени принято считать веками, — улыбнулась княгиня и, казалось, сережки с большими жемчужинами тоже качнулись в удивлении. — Дата «31 век и 13 зим» со дня Сотворения Мира в Звездном Храме вырезана на серой гранитной глыбе с белыми жилками, которую Словен положил в основании первого терема, построенного на доне, который позже назвали Волхов.

– Я догадываюсь, о чем ты говоришь, — кивнула Варя. — «Доном» славяне называли любую реку, «морем» — ее левый берег, «рекой» — правый.

– В твоём времени иные названия? — брови, подведенные черной краской, взметнулись вверх.

– Многое поменялось с тех пор.

– Но зачем? Наши предки берегли язык и традиции как зеницу ока, ведь в них вся мудрость и КОН.

– Это долгая история, — худенькие плечики под пижамкой сжались в какой-то комочек. — На языке моего времени это звучит так: князь Словен поставил на правом берегу реки Волхов город Словенск.

– Забавно, — гостья улыбнулась. — Даже не представляю, как тебя можно назвать по отношению ко мне, используя привычные названия родства.

– Один человек моего времени как-то сказал: «Мы одной крови». Это про нас с вами. Кстати, имя Ждана и у нас означает «долгожданная». Вот уж, действительно!

– Признаться, я тоже не чаяла так далеко забраться и встретить родственную душу.... Думаю, тут не обошлось без наших богов. Перун всегда помогает почитающим его потомкам. Ваши волхвы берегут капища?

– Давай вернемся к этому разговору в другой раз, — уклончиво ответила Варя. — Я еще не привыкла долго держать... «Голубое зеркало». Мне проще прикрыться «Каирской ночью».

– Хорошо, — умолкла гостья, — задавай свой вопрос.

– Где поселился князь Рус?

– Он поставил свой град меж двух донов у Соленого Студенца и назвал его Рус. Взял в жены красавицу Шелонь. Позже дал название одному дону имя Илонь в честь своей старшей дочери.

– Понятно, а как получил свое имя Волхов?

– Так если по нему идти, к волхам и попадешь. Что ж тут не понять-то?

– Извините, — засмущалась любопытная гостья, — путаюсь в понятиях... Волховец тогда откуда?

– Нашего первенца Словен назвал Волховец, и такое же имя дал дону на горне.

– В моем времени линию восхода солнца называют не горн, а восток. Думаю, что на восток от Словенска, потому и появились два названия рек: Волховец и Донец.

– Перун всемогущий! — тонкие пальцы с перстнями сложились в молитвенном жесте. — Теперь я понимаю, откуда у тебя такой уровень силы. Любишь докапываться до сути.

– Ничего особенного, я просто работаю с книгами.

– Так ты толмач?

– Скорее, ключница, — рассмеялась худышка этой аналогии. — Скажите, Ждана, а кто поставил крепость на острове большой воды, куда входил дон, названный вами Волхов?

– Наверное, ты спрашиваешь о главной крепости Ар-Русия на большой воде, — догадалась гостья. — Болгор и Коман поставили крепость на одном из островов, который защищал

ладьи от чужих. На соседнем острове поселились волхвы. В устье нашего дона младший брат Истр поставил свой град.

– В наше время остров со следами построек старинной крепости называют Валаам на Ладого, а город в Устье Волхова — Новая Ладога.

– И там до сих пор живут русы?

– Они считают себя русами, — с грустью в голосе ответила Варя. — Правда, волхвов там уже нет.

– В твоём времени нет волхвов? — удивилась гостья.

– Надеюсь, что где-нибудь да есть. Вот только мне пока не дано их видеть.

– Ты не можешь найти их даже с такой силушкой?

Гостья в красном плаще прошла по комнате. Очевидно даже для такой старой души, как она, было слишком много нового, и все следовало обдумать. Хозяйка не решалась задавать много вопросов, хотя любопытство ее просто распирало. Неожиданно княгиня остановилась у окна.

– Зачем ночью так много огней? — она обернулась к худышке.

– В моём времени принято освещать улицы городов по ночам, но это не опасно. Это не факелы.

– Светло, а поганных не видите?

– Это вы о ком так нелестно? — вопросом на вопрос ответила Варя.

– Зачем косых, кривых да лысых примечаете. Их Велес не зря метит. Вот на мне плащ княжий, чтобы тот, кто в душу заглянуть не умеет, издали приметил. Ужель убогих отличить не можете? Одна беда от них — зависть да предательство. Не по КОНу живете, оттого у половины ваших горожан кровавая аура вокруг души. Они ни работать, ни защищать землю твоих предков не будут.

– Что ж с ними делать-то? — развела руками девушка.

– Кто за КОНом, тот за границей Рода. Вот и весь сказ. Каждый сам себе место ищет. Вот мне Перун позволил одиннадцать душ родить. Одного забрал, неправильным получился. Остальные, пока чадами были, определялись. Словен каждый день в седле, с мечом да стрелой дружен, без дичи не возвращался. Когда на поле брани, мы за него Перуну молимся. Вернется — ему старшие умыться поднесут, оружие почистят, средние со мной ужин приготовят, младшие стол накроют. Чадо к отцу ластится. Он ему сказки рассказывает, уму-разуму учит. Мать на ночь приголубит и колыбельную споет. Все в любви и достатке растут. Разве такой дом кто забудет? Если в ночь-полночь беда у кого, не ровен час, случится, Словен первый в рубахе и с мечом на помощь кинется. Первый в бой, последний за стол. Потому и князь.

Фантом Жданы просто засиял при этих словах. Она взглянула на свою собеседницу и продолжила:

– А в твоём граде иные правила. Стемнело, все по домам у кривого зеркала собираются, где, кроме зла, ничего не видно. Стариков своих забывают и детишек бросают. Лень и похоть кровавым цветом все застила. У нас тоже охочих до чужого добра немало. Только если объявятся, мужики в топоры, да князь с дружиной. Хочешь с нами жить, вот тебе КОН, нет — на кол вдоль границы. Иначе Род не выживет.

Они помолчали. Стало тягостно на душе, и Варя первой решила поговорить на другую тему:

– Скажите, Ждана, а откуда Словен с братьями пришел на север?

– Не пришел, а вернулся, — оживился фантом в красном плаще. — Однажды в Беловодье началась большая зима, и наши предки потянулись на юг, где можно было прокормиться, а в родных краях остались те, кто умел в лютые зимы выживать бок о бок с оленями да тюленями. Таких было мало... Когда зимы стали короче, вернулись потомки тех, кто двадцать веков назад покинул эти земли. Называли себя уже не ариями, а русами, но КОН помнили. Селились по

берегам озер да рек. Земля-Матушка кормит, Дон-Батюшка поит, пока Род помнят. Что тут сложного? Города и крепости ставили, рожь и скотину растили, пушнину и мед заготавливали. Торговцев к нам немало по воде приходило и с юга, и с севера. Богато жили, потому как зверья да птицы в лесах немерено, рыбы да жемчуга в чистой воде всегда хватало. Не ленись, вставай засветло, и все у тебя будет. Бывало, и к нам хитрецы из чужих стран захаживали. Не работать, а поучать и должников плодить своими хитростями. С черными душами у русов разговор короткий был.

— На кол вдоль границы? — догадалась худышка.

— А то! Заведется паразит в твоём доме — житья не даст... Ну, я смотрю, у вас другие порядки. Пора вспомнить сказку о козле в горнице своей. Впрочем, это ваш выбор.

Фантом только раздосадованно рукой махнул. Потом вскинулся, словно вспомнив что-то.

— Сестры сказали, что ты из большого города. Вот я и кинулась искать, но в этом зареве разглядеть ауру незнакомой души было сложно. Пока ты не открылась.

— Сестры?

— Перун всемогущий! — красный плащ едва поспевал за стремительной княгиней. — Ты ещё не догадалась, зачем я здесь?

— Осмелюсь предположить, что причина кроется в Лешкиных сестрах, которых одна моя знакомая назвала...

— Хранительницами Книги, — закончила её мысль гостя, внимательно всматриваясь в сидящую на диванчике хозяйку. — Твое неожиданное появление в том доме наделало немало шума. Присматривающие за сестрами не смогли к тебе подступиться. А после визита рыжей чужестранки, размахивающей тонким мечом, послали за мной. Признаюсь, не самый короткий путь...

— Приношу всем свои извинения... — начала было Варя.

— Ах, оставь, голубушка, эти лисьи повадки. Скажи прямо, как ты нашла сестер?

— Прошлым летом я познакомилась с их братом Алексеем... Его душа ушла в тонкие миры. Причём по моей вине. Хотя иногда кажется, что встреча наша не была случайной.

— Ну, ты же знаешь, что ничего случайного в жизни нет.

— Тогда это был повод привести меня в Благодатку. В дом двух сестер.

— И ты не знала зачем?

— Только там и догадалась, — развела руками худышка.

— Странно... — Фантом стремительно приблизился к Варе и бесцеремонно заглянул ей в глаза. — Вижу душу настоящего воина, хотя тело котенка. Ещё один золотистый и чьи-то три фиолетовых следа. Такие у викингов часто встречаются... Хотя это не мужская энергетика... Погоди — не флибустьеры ли тут терлись?

— Грануаль О'Мэлли, Жанна де Бельвиль и Мэри Вулверстоун, — растерянно призналась худышка.

— О лысой Грайнэ какие-то байки слышала, остальных не знаю. И что у тебя с ними общего?

— Оказалось, что я проводник.

— У тебя выпали три девятки? — удивилась Ждана.

— Трижды, — кивнула Варя. — И мне кажется, что никаких случайностей не было.

— Становится все интереснее... Сейчас ты ещё скажешь, что прочла Книгу Силы.

— Да. Ещё мне открылась Книга Света и Книга Времени.

— Ты прочла три книги? — недоверчиво переспросила княгиня. — Но я ничего не вижу.

— Эта информация спрятана в глубоком тоннеле. Не советую туда заглядывать.

— Признаться, я слышала о «черном тоннеле», откуда никто не возвращается... Так вот почему тебя не смогли прочитать. Никаких следов, а сила велика. Так ты мастер ментального удара!

— Ждана, — худышка выпрямилась и стала казаться выше, — я посмотрела сестричек из Благодатки. У них сильный врожденный дар. Это явная материнская линия. Думаю, что легенда о хранильницах Книги вполне реальна. Поэтому я хочу подвести их к Первой книге ариев, мне верится, что она откроется их светлым душам. Для этого сестричкам нужно летом устроить каникулы на море. На недельку. Помогите мне уговорить Алену Александровну, а то со мной она девочек не отпустит. У меня есть двое верных друзей в Питере. Они добрые русские люди. Не подведут. Надеюсь, если все получится, у сестричек будет хороший шанс выполнить свое предназначение.

— Как-то все очень легко у тебя.

— Нет. У меня все сложно. Я готовлюсь прочесть Книгу Белых Рун.

— Ты Читающая во тьме?

Девушка ответила не сразу, вспомнив, как ее впервые назвал этим странным именем монах из Ордена Госпитальеров. Потом процитировала несколько строчек из книги, над которой только она могла видеть парящие белые руны:

*Свечой сгорит душа моя,
И чтоб я смог вернуться снова,
Дух за меня замолвит слово,
И юркнет змейкою стезя.*

— Верно! — всплеснула руками княгиня. — Так начинается вторая глава Книги Велеса или Книги Белых рун... Так ты прочла ее?

— Нет, — улынулась москвичка, — только заглянула однажды, но знаю, где тайник, в котором ее хранят арии.

— В таком случае, — княгиня почтительно отпрянула, — я должна преклонить колено.

— Ну что вы, Ждана, мне не нужны почести. Я прошу о помощи.

— Меня? О помощи?

— Мне... Вернее, всем, живущим сейчас на Руси, крайне важно знать свою настоящую историю. Многие энтузиасты по крохам собирают ее, и я хочу, чтобы каждое ваше слово было услышано.

— Что же им так хочется узнать?

— Что вы вместе с князем возрождали один из первых городов русов на нашем севере. И я уверена, что ставили Словенск не на новом месте, а на том, где до Ледникового периода тоже был город. Только тогда это были города ариев, и оттуда пошла страна Гардарика. Словенск позднее был переименован в Новгород. Это наши враги пытаются путать следы, сжигая одни летописи и подделывая другие. Сегодня официальная история почему-то забыла князя Гостомысла, который, умирая, призвал на службу русскому городу воеводу Рюрика с братьями и дружиной, потому что его сыновья к тому времени погибли. Забыли и дату возрождения Словенска, приписав ему новую дату рождения в 862 году от Рождества Христова. Якобы Гостомysl вовсе не жил в Новгороде, а город тот построил Рюрик. Они «забывают» уточнить, что Рюрик действительно построил, но не Новгород, а стоянку для своей дружины, называемую в летописях Городищем. Это под Новгородом. Причем потому лишь, что его за городские стены новгородцы не пустили, ведь по договору Рюрик должен был охранять новгородские земли от набегов. В дозорах с дружиной быть, а не почивать в уже обустроенных теремах да палатах. Такой маневр позволил лжеисторикам «потерять» в прошлом 4 412 лет, с которыми мы должны поздравить Словенск-Новгород в этом году. Так что если я и буду доверять кому-то, то лишь, простите, старой душе Жданы из рода поморов. Жены князя Словена.

ГЛАВА IV. ФРАНЦИЯ, АРЛЬ

Конец января в Провансе для русского человека более напоминает начало октября: солнечно, еще около 10–15 градусов тепла и дождей нет. Особенно хорошо в Арле, расположенном на берегу самой полноводной реки Франции. Именно благодаря ее водам Прованс процветает, поскольку Европа — это не Россия, где по статистике более двух с половиной миллионов рек! Против сотни французских.

Арль всегда считался жемчужиной Прованса. Основанный еще до финикийцев торговый городок Арелат был выгодным портом на Роне, пересекающей Францию с севера на юг. Эта река судоходна от Лиона до Арля, что использовалось торговцами с незапамятных времен.

Основатели судоходства в Средиземном море, финикийцы, первыми освоили постройку кораблей из ливанского кедра и преуспели в мореходных навыках. Когда соседние страны только осваивали каботажное плавание вдоль берегов Набатей и Ханаана, передвигаясь от одного берегового маяка к другому, финикийцы уже использовали навигационные карты и приборы, чтобы смело ходить на Крит, Сицилию, Сардинию и подниматься по рекам в Грецию и Галлию. Даже Египет закупал ливанский кедр для постройки боевых кораблей вместо папирусных лодок. Один из таких кораблей, спроектированный для перевозки фараона по Нилу, был обнаружен в захоронении у знаменитого Сфинкса. Вечным соперником Арля на Средиземном побережье был Марсель, расположенный восточнее, на берегах вокруг удобной бухты, в то время как Арль стоял на Роне километрах в семидесяти вверх по реке до порта Сен-Луи в устье, что ограничивало проход в порт Арль торговых кораблей большого тоннажа. Зато легкие суда поднимались по Роне до Лиона с перегрузкой в Арелате и разветвленной сетью сухопутных дорог от него во все провинции Франции.

Последнее слово в соперничестве Марселя и Арля положил, как ни странно, Юлий Цезарь. Во время четырехлетней Гражданской войны Цезаря и Помпея за власть в Римской республике 49–45 годов до Рождества Христова, Марсель выступил на стороне Помпея, Арль принял сторону Цезаря и выиграл. В качестве вознаграждения от первого пожизненного диктатора Римской империи, Арль получил все привилегии в торговле, и там расквартировался VI легион.

Эти последствия видны и сейчас в Арле. Центральная площадь города сохранила величие римского Форума, с цирком, прообразом ипподрома, амфитеатром, не уступающим собрату в Риме, и античным театром с полукруглой кавеей для зрителей метров сто в диаметре. Там до сих пор устраивают постановки под открытым небом. Позже там же был возведен храм святого Трофима, чей фасад выходит на центральную площадь. Если прогуляться по одной из радиальных улочек, можно найти постройки для ветеранов VI легиона, которым в Арле было разрешено основать колонию.

На центральную площадь выходит дворец «Подеста», где сейчас расположена исполнительная и законодательная власть города и музей с неприличным названием для русского MuseelaPidaire. Рядом с ней помпезная ратуша, построенная во времена Людовика XIV, украшенная часовой башней, что было очень дорого в те века. Напротив нее в центре площади осталась нетронутой колонна с фонтаном, установленная в честь короля-солнца. Около набережной Роны сохранились термы Константина. Судя по летописям, они были самыми большими в Провансе.

Неподалеку от Форума одно из любимых мест экскурсоводов — комплекс ван Гога, о котором любят рассказывать различные байки, утаивая правду. На самом деле это психиатрическая больничка при монастыре Сан-Поль, где лечился и закончил свои дни знаменитый художник. Совсем неизвестной достопримечательностью Арля является библиотека Ордена «Сынов Света», расположенная под собором Святого Трофима.

Дело в том, что влиятельные братья Ордена инвестировали в несколько культурных проектов города огромные суммы, о которых долго говорили различные теле- и радиоканалы, умалчивая, что в качестве компенсации собор и помещения под ним были выкуплены у католической церкви и переданы в вечное владение щедрого братства. Причем подземелье не ограничивалось только периметром здания, а расходилось туннелями в разные стороны. Они составляли целые катакомбы наподобие парижских или римских, где сначала городские строители добывали камень, а позже власти устроили кладбища.

Современное оборудование обеспечивало удобный доступ в огромные хранилища документов, поддерживало определенные условия влажности, температуры, электропитания и безопасности. Целый технический комплекс работал под собором, в котором устроили музей. Сотни, а то и тысячи туристов проходили ежедневно по залам собора, не подозревая, что под их ногами идет напряженная работа по переводу, обобщению и анализу огромного количества редких старинных папирусов, пергаментов и книг на разных языках, о названии которых мало кто даже подозревал.

Обычно сотрудники библиотеки представлялись работниками музея, которых хорошо знала в лицо собственная служба безопасности, что позволяло пользоваться центральным и боковыми входами для персонала. В особых случаях пользовались тайным подземным ходом из сувенирной лавки через улицу, которую держал один из гловеров. О нем в Ордене знали единицы.

Двое приезжих вышли из такси у сувенирной лавки «Друг ван Гога». Таксист определил в них англичан еще на вокзале, уж очень надменными были их лица. Взаимной любви между французами и англичанами никогда не было, но профессиональная этика диктовала сдержанность. Даже когда старший из этой английской парочки мельком проверил несколько монеток сдачи, которую вернул водитель, он сдержал эмоции. Заметив в зеркало заднего вида, что англичане входят в сувенирную лавку, таксист мысленно пожалел хозяина. Намается с такими клиентами, но ничего не заработает.

Последний вывод был ошибочным.

Брат Саймон, сопровождаемый Седриком, вошли в сувенирную лавку под звонок дверного колокольчика. Туристический сезон еще не начинался, поэтому хозяин долго не появлялся. Когда же англичане дождались его и произнесли пару контрольных фраз, у француза похолодела спина. Он не знал в лицо никого из гостей, но понял, что это очень высокий уровень. Засуетился, показывая дорогу в узком коридорчике и бормоча какие-то извинения. Хотел позвонить по сотовому и предупредить охранника на другом конце тоннеля, но вдруг почувствовал слабое воздействие. Его сканировал боец явно высокого уровня, возможно, даже лайтера. Открыв дверь в тоннель, хозяин лавки застыл в позе караульного.

– Закрой лавку и жди здесь, — услышал он приказ, который выполнил бы и ценой жизни.

Седрик не стал включать свет в тоннеле, а лишь достал фонарик.

– Включи свою «глушилку», — тихо приказал брат Саймон.

Подсвечивая магистру под ноги, флэшер шел чуть впереди. Длинный узкий проход под землей был выложен красным кирпичом. Минут пять англичане продвигались молча, пока не остановились у солидной металлической двери. Она была заперта.

Светлейший отодвинул в сторону сопровождающего и попробовал дотянуться в ментале до охранника, который должен был дежурить за дверью. Не получилось. Зато на движение сработал какой-то датчик, и за дверью почувствовалась возня. Очевидно где-то была спрятана камера, и гостей рассматривали.

– Что вам угодно, месье? — наконец прозвучало откуда-то сверху по-французски.

Флэшер обменялся паролями с охранником, и дверь тихо открылась, пропуская гостей внутрь. Их встретили двое. Один, судя по форме, охранник, а второй приветственно улыбнулся и припал к руке брата Саймона:

– Храни Господь Святой Орден, Светлейший.

– Аминь, — тихо отозвался тот. — Ваше имя, брат мой.

– Доминик. Я оперативный дежурный нижнего офиса. Простите, а...

– Полноте, Доминик, мы пришли по делу, никаких пышных приемов не нужно. Проводите нас в овальную комнату.

Трое прошли несколько постов, где за пультами сидели охранники в форме, но дверь открывалась только после того, как Доминик проходил тест на биометрическом датчике.

– Вам придется подождать здесь, Светлейший, — смущенно пролепетал сопровождающий, жестом приглашая сесть на диван. — Я сделаю запрос на центральный пульт, у меня только личный код.

– А вы с этим кодом не можете войти? — тут же спросил Магистр ордена.

– Нет, Светлейший. Я могу только запросить и получить код по своему личному паролю. Он приходит по закрытому зашифрованному каналу из Лестера. Расшифровка происходит здесь по моему ключу. Коды в Лестере генерирует компьютер каждые полчаса. Я получаю свой ключ при заступлении на дежурство.

– Я правильно понимаю, что код всегда уникален и система отмечает, кто запросил и кто расшифровал код доступа?

– Абсолютно верно, Светлейший. Кроме того, идет параллельная запись с аудио- и видеодатчиков.

– Где хранится эта запись?

– В техцентре Лестера, Светлейший. Копия в Намюре. Все журналы событий пишутся еще и у нас.

Магистр и флэшер молча смотрели за операциями Доминика, пока он открывал массивную дверь в небольшую комнату овальной формы. Когда они остались одни, Брат Саймон прошелся несколько раз вокруг кресла, в котором можно было полулежать, и журнального столика с фолиантом из какой-то светлой кожи или материалом на нее похожей. Плотный толстый переплет был покрыт строкой выпуклых символов, напоминавших то ли иероглифы, то ли руны.

– В первый раз у меня впечатление было очень сильным, — вполголоса признался флэшер. — Интересно, как Книга Света распознает гостей?

– Пока мы слишком мало знаем об этом...

Магистр остановился около книги и протянул над ней ладонь. Прикрыл глаза. Флэшер застыл на месте, едва дыша. Так прошло несколько минут. Наконец брат Саймон улыбнулся и убрал руку за спину.

– Это она. Пойдемте, Седрик.

За дверью их ждал взволнованный дежурный. Едва гости вышли, он закрыл за ними дверь в овальную комнату и куда-то позвонил.

– Доминик, — отвлек его Магистр, — пришлите мне все записи сегодняшнего визита в овальную комнату.

– В Лестер, Светлейший? — брат Саймон утвердительно кивнул. — Будет сделано... Вас проводить наверх или по тому же маршруту?

– Мы прогуляемся по собору, а потом где-нибудь пообедаем... Закажите столик на двоих в рыбном ресторане... Да, и отпустите друга ван Гога, а то он остался на посту.

Англичане рассмеялись, вспомнив перепуганного неожиданной проверкой хозяина сувенирной лавки.

Бесшумный лифт поднял гостей в библиотеку. Везде царила тишина и порядок. В комнатах работали сотрудники в одинаковых халатах и перчатках, словно это был запасник биб-

блиотеки какого-нибудь университета, где ведется научная работа. Вот только манускриптам на столах мог бы позавидовать любой специалист.

— Позвольте вопрос, Светлейший, — не выдержал флэшер.

— Вы хотите узнать, что «сказала» Вторая книга? — усмехнулся Магистр. — Это давняя история. В пору своей молодости я занимался переводом Книги Света. Вернее, начинал... Тогда мы работали в Шотландии. Ничего подобного, — он обвел взглядом зал библиотеки, — не было. Просто комната. Стол, заваленный стопками словарей и справочников. Мы еще не знали, что можно установить ментальный контакт с Книгой. Это стало известно в процессе работы, а поначалу копировали символы и пытались интерпретировать запись, используя все возможные методики.

— Ходят слухи, Светлейший, что Книга подсказала вам первую фразу сама.

— Оказывается, я стал легендарной личностью, — рассмеялся брат Саймон. — Подсказка действительно прозвучала у меня в сознании... Однако самым забавным было не это. — Магистр задержал свой взгляд на каком-то далеком предмете, очевидно вспоминая что-то. — Мы работали в смене парами, по четыре часа. Когда у одного что-то получалось, он отдавал переведенную фразу напарнику для проверки. Если результаты совпадали, шли дальше. После смены сдавали результаты старшему лингвисту. Помнится, я долго бился над переводом одной фразы, пытались взять наскоком. Это был один из диалектов древнеарамейского, близкого по некоторым оборотам к ханаанскому, распространенному среди кочевников южной Сирии.

Магистр коротко взглянул на собеседника, пытаясь уяснить, понимает ли тот, о чем речь. Седрик утвердительно кивнул, сгорая от любопытства.

— Так вот. У меня получается что-то вроде «...мудрую книгу написал праведник». За витиеватой формой ускользает смысл. Тут я вспоминаю, что эссеи обращались к учителю не иначе как «Учитель праведности», и соображаю, что нужна сдвижка. Должно звучать «Мудрость, написанная Учителем праведности для праведников»... И тут же в сознании моем звучит странный голос, но понимаю четко вопрос:

— А ты праведник? До сих пор не знаю почему, но я спокойно ответил:

— Хочу прочесть, чтобы постичь праведность... — Саймон выдержал театральную паузу, и продолжил:

— Тут же абсолютно четко понимаю смысл всей страницы. Записываю и передаю напарнику. Он вопросительно смотрит на меня и возвращает листок обратно. Тут я в свою очередь ничего не понимаю. Напарник не может прочесть то, что я написал. Оказалось, я верно понимаю смысл книги, но вместо перевода пишу на арамейском. Вернее, просто копирую текст книги.

— Книга Света манипулировала вашим сознанием, — догадался Седрик.

— Представьте себе! — улыбнулся Магистр. — Она питалась мысленной энергией переводчика, накапливая ее в какой-то внутренней батарейке. При этом подстраивалась под мой образ мышления. Когда же заряда стало достаточно, книга перешла к диалогу в ментале. Автор этого чуда предусмотрел еще и логический контроль перед общением. Если бы я не знал об учителе праведности, она бы не открылась для чтения.

Гости поднялись на первый этаж собора и вышли из служебной комнаты в зал музея, где шла экскурсия. Небольшой группе пожилых туристов француженка на немецком рассказывала о гобеленах, уже несколько веков висящих на стенах этого зала.

— А вы знаете эту историю? — испытующе глянул на спутника брат Саймон.

— Признаться, нет, — смутился Седрик. — Барбаросса мне известен по названию плана нападения Гитлера на Сталина.

— В одном гобелене можно прочесть эпоху и характер немецкой нации, — усмехнулся Светлейший. — Фридрих Гогенштауфен начал свой путь в Швабии, унаследовав после смерти

своего отца титул герцога в 1147 году. Иногда его путают с отцом — Фридрихом Одноглазым. После Второго крестового похода вместе со своим дядей, королем Германии Конрадом III, от которого получил хорошие рекомендации, племянник стал считаться преемником короля. В 1152 году он стал королем Германии, дождавшись смерти дяди. Получив по наследству трон, Фридрих решил повторить путь Карла Великого и, собрав войско, пошел походом на Рим. Вот на этом гобелене он в рыцарских доспехах и напоминающей викинга бороде.

Брат Саймон показал взглядом на старинный гобелен.

— Кстати, именно за эту бороду он получил в Италии свое прозвище: «барба» — борода, «роса» — рыжая. Однако это прозвище было ироничным, но Фридрих не увидел в этом знак. Он трижды терпел поражение в Италии, но в 1155 году вошел в Рим и стал императором. Тридцать лет ему покорялась великая империя цезарей. Однажды случилась эпидемия чумы, и он вынужден был бежать с остатками своих рыцарей домой. Собрал армию и вновь пошел на Рим. Стал заигрывать с Папой и покорять бунтовщиков. Вот только в интригах Фридрих был не силен. Он пять раз собирал войско в Германии и переходил с ним Альпы. Обратите внимание на его рыцарскую атрибутику на гобелене.

— Крепкий был боец, — согласился собеседник.

— Это была эпоха рыцарей, облаченных в кольчуги, латы и шлемы. Нужно было держаться в седле коня, тоже закованного в латы, и владеть солидным мечом. Барбаросса участвовал в турнирах, но бился лишь с теми рыцарями, кто имел расшитую перевязь, рыцарский пояс и золотые шпоры.

Они задержались, рассматривая детали.

— Мало кто из нынешних королей поднимет этот меч, — усмехнулся Седрик, — разве что, золотые шпоры.

— Именно поэтому живет легенда об Эскалибуре, — подхватил его мысль Магистр. — Король должен быть достоин трона. Вы представляете госпожу Меркель в кольчуге и шлеме. Разве что, забрало закрыть и перо попышнее.

Они рассмеялись.

— Простите, Светлейший, а о каком знаке судьбы вы говорили?

— Барбаросса был неумным воякой. Ему было уже 67 лет, когда в 1189 году Фридрих пошел в Третий Крестовый поход вместе с французом Филиппом II и нашим Ричардом Львиное Сердце. При переходе через речку упал с коня, облаченный в кольчугу и латы. Якобы оруженосцы не смогли спасти своего короля... Так что «Рыжая борода» было удачным прозвищем только для викинга Эйрика Рыжего. О судьбе плана «Барбаросса» пока еще помнит мое поколение, но пройдет какое-то время, все забудется и появится новый рыжий. Кстати, камень из которого построили этот собор, есть не что иное, как стены и колоннада античного театра поблизости. Все потому, что император Феодосий как-то решил, что театр — это ересь и наследие язычества. Разобрали по камушкам. Так же разбирали пирамиды в Египте. Только их неслучайно складывали из мегалитов. Кто-то поковырял облицовку, а дальше силенок не хватило. Наш мир очень непостоянен...

Англичане прошли к следующему гобелену.

— Здесь, — быстро пояснил Саймон, — отображена коронация Барбароссы как короля Бургундии. Тщеславие и ничего больше. Пойдемте, лучше я покажу вам клуатр.

Двое приезжих вышли во внутренний дворик собора Святого Трофима. Обходная галерея по периметру была украшена невысокой колоннадой из отшлифованного гранита. Можно было часами гулять по свежему воздуху, вышагивая по клуатру, защищенному и от дождя, и от мирских проблем.

— Раньше в монастырях обязательно был колодец, — пояснил Магистр Ордена. — Он был центром жизни. Как правило, его окружали деревья, травка, цветы в таком внутреннем

дворике. Это был свой мир, защищенный толстыми стенами. Мне хочется здесь сделать зимний сад. Мягкий климат Арля подойдет для этой цели.

– Библиотека внизу будет корнями этого мира?

– О, с вами нужно меньше откровенничать, дорогой Седрик. Легко читаете мысли собеседника.

– Это достойные мысли, Светлейший.

– А лезть — универсальное оружие, — улыбнулся Саймон и тут же сменил тему разговора: — Вы помните байку об отрезанном ухе ван Гога?

– Смутно, — признался его спутник, удивленный таким зигзагом беседы.

– Ван Гог приехал в Арль в 1888 году. По воспоминаниям современников, он шокировал местную публику, когда по ночам ходил в шляпе с зажженными свечами и стал завсегдатаем баров, распробовав абсент. После бомбежек 1944 года остался только желтый дом на площади Ламартин, где он жил до «психушки», да кафе на углу Форума... История же такова. Ван Гог по приезду в Арль почувствовал себя гораздо лучше, чем в Париже, написал несколько известных картин и пригласил в гости Поля Гогена, с которым дружил еще по столичным выставкам. Тот не заставил себя долго упрашивать. Но у них вышла ссора, как злословят завистники, из-за дамы. Помня нравы конца XIX века, можно утверждать, что это была дуэль на шпагах. В результате у ван Гога была отсечена часть уха.

– Банальная поножовщина, написали бы сегодня в криминальной хронике, но исследовательский центр творчества ван Гога в Арле утверждает, что у великих художников вышел спор о картине. В доказательство своей правоты автор отсек себе ухо. Есть и еще один факт — автопортрет ван Гога с перевязанным ухом. Не поспоришь...

– В подтверждение этой версии появилось научное обоснование в виде медицинского термина «синдром ван Гога». Это ситуация, когда больной беспричинно настаивает на ненужной операции или сам себя оперирует. В основе тоже лежат факты — выписки из истории болезни ван Гога, который наблюдался в местной клинике.

Брат Саймон с интересом взглянул на собеседника и добавил:

– Вы спросите меня, а зачем это надо Магистру Ордена? Отвечу... Не переставайте учиться, дорогой Седрик. Более того, учитесь учиться. Анализируйте любую информацию, она неслучайно попадаете вам на жизненном пути.

– И тогда, — продолжил флэшер, — только вам откроется Вторая книга.

Саймон снисходительно улыбнулся. Он давно запретил себе вспоминать о тяжелом детстве. Ему выпало быть третьим сыном бедного сапожника, вернувшегося в Краков после войны и целыми днями латавшего чужую обувь в маленькой будке у Центрального рынка. Однажды их ребе положил свою пухлую ладонь на курчавую голову пацана и сказал именно эту фразу:

– Нати, учись учиться.

При посвящении Нати получил новое имя. Тогда Саймон начал новую жизнь, но мудрость предков хранил неизменно, повторяя себе и своим ученикам.

ГЛАВА V. РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Питере моросил весенний дождь. Привычный для обитателей, словно царапина на стене или лужица за углом, которую кто-то ворча обходит, кто-то лихо перепрыгивает, но всегда найдется тот, кто с удовольствием прошлепает по ней не сворачивая, привычно произнося: «Привет, лужа». Все они по-своему любят этот город и гордятся, что именно их Питер является единственной столицей Европы, не покоренной врагом. Что бы там о себе ни рассказывали Париж или Берлин, Лондон или Рим, сандалии и сапоги чужих солдат нередко топтали их мостовые. В Брюссель столько раз заходили вражеские войска, что это стало для них привычной неприятностью и в мае 1940 года его жители не сразу поняли, что колонны фашистов на улицах – это не съемка исторического фильма.

Те события давно канули в Лету, и уже семьдесят седьмой май поливал короткими дождями улицы и проспекты Северной Пальмиры, которая, строго говоря, не всегда была стольным градом огромной страны. Чаще ее называли северной или даже культурной столицей России. Эта привычка не дает возникнуть вопросу: а зачем Петр I решил строить новую столицу на самой окраине огромной империи, да еще в болоте? Одни усматривают в этом сомнительную выгоду большого порта, приближенного к европейским столицам; другие видят анклав пришлого царя, захватившего власть, подобно варягу Рюрику, так же обустроившемуся не в Новгороде, а в Городище; есть и те, кто, вспомнив войну 1812 года, объяснял выгодное расположение Санкт-Петербурга тем, что глупый Наполеон пошел напрямки брать штурмом толстые стены московского Кремля, а не царя, укрывшегося за витражами летнего дворца, иже с ним сенат, синод и казначейство; многие справедливо утверждают, что столицу на границе строить вообще не резон. Более всего в этих спорах преуспели чужестранцы, вечно стремящиеся поучать русских и переписывать их историю.

Впрочем, и среди местной пишущей братии, гордо причисляющей себя к либералам, отыскивались такие, кто устроил мерзкий опрос о том, надо ли было такими огромными жертвами защищать Ленинград в Отечественную войну 1941 года. Не проще ли было сдаться? Хитрецы решили спрятать за этой формулировкой другой вопрос, вечно не дающий покоя всем иностранцам: «Что вы за народ такой, русские? Не можете жить, как все, заискивать перед сильным и грабить слабых. Что вы носитесь со своей правдой и справедливостью? В чем это непостижимость вашей русской души?»

Приезжают они в Питер. Ходят, задрав головы, и цокают языком, глядя на его былое богатство и великолепие. Смотрят и не понимают, почему толпы граждан мокнут вокруг Исаакиевского собора, протестуя против передачи его церкви. А душа русская не смолчит, не стерпит лжи и несправедливости, будет биться в кровь. Все потому, что еще жива память предков в русских душах.

Эти мысли не покидали худенькую на вид девушку с серьезным взглядом, которая не замечала ни моросящего дождя, ни тяжелых облаков, цеплявшихся за Адмиралтейский шпиль, ни промозглого ветра с Финского залива. Она шла по Фонтанке, чтобы потом свернуть на Садовую, где в одной из квартир отреставрированного старого дома жила ее подруга Маша. Вернее, Мария Михайловна Румянцева, директор российско-итальянской фирмы «Флорентино», имеющей приличную сеть собственных магазинов, торгующих «женскими секретами», которыми во все века умело пользовались представительницы прекрасного пола, дабы, слегка скрывая, показывать то, что вечно стремятся «разгадать» пытливые взгляды прирожденных следопытов и охотников.

Законодатели моды, избравшие своей Меккой итальянский Милан, не перестают удивлять участников этой вечной игры, завлекающей охотников в чудесный мир иллюзий, где жертва всегда рада проиграть и преклонить колено перед прекрасным. Причем плохая погода

обычно только усложняет эту игру, делая ее более многоплановой и неожиданной. Охотник и не подозревает, в какие джунгли могут заманить его прелестные эфемерные создания, преуспевшие в познании тайн, каждый раз используя все новые и новые «секреты», рассчитанные на любую погоду, где царствует «Флорентино».

– Варька! — Маша бросилась к подруге с объятьями и поцелуями. — Откуда ты?! Почему не позвонила — я бы встретила!

– Маш... — только и смогла выговорить гостя, сжимаемая в крепких объятьях.

– Варька! — хозяйка не отпускала худышку. — Ты что, плачешь? Все хорошо, глупенькая.

– Маш... Прости, я без звонка.

– Да перестань ты!

– Маш, прости... Я сейчас... Успокоюсь... Сейчас... Просто у меня на свете никого ближе нет. Прошлым летом я ездила к Нинке...

– Вот как? Я не знала. Что же ты не сказала? Вместе бы поехали.

– Нельзя, Маш. Она... — Варя по-детски шмыгнула и вытерла нос рукавом. — Она предатель.

– Что значит предатель? — хозяйка опешила. — Она же ребенок...

– Нет, Маш. Она с ними. Понимаешь? С теми, кто за нами охотился на Мертвом море.

– Когда Коля вас с Нинкой в пещере нашел?

– Ну да. Она предатель, представляешь?

– Варь. Как это может быть?

– Не знаю... Я поехала ее забрать... В Англию. Она учится в интернате при университете в Лестере. Так она даже не захотела со мной по-русски говорить. Только на английском, и наплела, что мы хотели у нее украсть бабушкины деньги.

– Да ладно... — не поверила Маша.

– Я чуть не грохнулась там в обморок, — опять шмыгнула носом девушка. — Хорошо Лешка помог.

– Лешка? — с интересом переспросила хозяйка. — И кто у нас Лешка?

– Маш... — гостя зарыдала, едва выговаривая слова, — они убили Лешку... Это я все виновата, Маш... Я.

– О-о. Пойдем-ка в ванную, дружок. Ты мне обязательно все расскажешь. Только сначала уоемся. Носик вытрем... Пойдем.

– Маш...

– Помолчи. Пойдем-ка вот сюда. Просто у тебя накопилось. Давно не виделись. Это ничего. Это поправимо. Давай-ка свой носик... Я всегда говорила, что ты не Орлова, а воробушек... Варька, хватит рыдать. А то я сейчас тоже начну. Кто меня тогда успокаивать будет? Всю квартиру зарыдаем.

– Они Лешку из-за меня... Понимаешь? Он же ни в чем не виноват... Он их даже не знал.

– Варь, ты мне все расскажешь, только по порядку. Ладно? Все, держи полотенце. Пойдем. У меня в холодильнике коньячок есть. Ах да, ты же не пьешь. Ну, «Боржом» есть. Держись, ты же боец!

Она усадила гостью за стол большой кухни и налила в высокий стакан что-то прохладное. Подумав, повторила и себе. На вид хозяйке квартиры на Садовой было около тридцати, но затаившаяся в глазах грусть говорила, что это далеко не так. Ухоженные золотистые локоны подчеркивали красивое лицо с пронзительными цыганскими глазами. Обладательница стройной фигуры двигалась легко и уверенно. Длинные сильные пальцы перстнями и колечками не баловали, а вот ноготочки были безукоризненными.

Блондинка пододвинула стул и села рядом с худышкой, нежно обняв за плечи. Они ни о чем не говорили, а просто сидели так, будто все друг про дружку знали, и молча переживали. Из

комнаты доносился мерный ход часов. Судя по низкому тембру, это были солидные напольные часы. Когда они коротко пробили четверть часа, Маша, глубоко вздохнув, нарушила тишину:

– У меня утром сердце так кольнуло... Ну, думаю, неужели позвонишь... А тут воробышек сам прилетел.

– Мокрый и облезлый московский воробей, — шмыгнула носом гостя.

– Ну уж и облезлый... Почистим тебе перышки, носик припудрим... Глядишь, орленок проклюнется.

– Машка... — гостя обняла за талию стройную женщину с пронзительными цыганскими глазами и уткнулась мокрым носом в ее шикарную грудь. — Я загадала, если ты будешь дома, то все будет хорошо.

– Слушай, а там на вахте мужчинка... Спит, что ли? Не позвонил, что ты идешь.

– Да он меня не видел.

– Вот служивые... Ничего доверять нельзя.

– Не ругай его, Маш. Мне хотелось к тебе без предупреждения прийти, а то как-то официально будет.

– Опять твои штучки?

– Если нельзя, то я больше не буду.

– Что-то не верится мне в это... Давай-ка я чаю заварю... Или кофе? — хозяйка вдруг рассмеялась. — А помнишь, как мы кальян курили в Египте?... Сколько ж мы не виделись?

– В 2010-ом вы с Колей примчались из Москвы, когда мы с Нинкой попались в ловушку около Вади-Кумран.

– Потом мы полетели в Испанию за какой-то шкатулкой, — вспомнила Маша, — а когда вернулись, Колю ранили... Нинка же ребенком была. За твои джинсы, как за мамину юбку, держалась.

– Все потому, что я всегда в джинсах, — наконец усмехнулась худышка.

– Погоди, мы же потом отмечали твои двадцать лет... Это что же получается?

– Да, двадцать второго июля приглашаю на мой день варенья. Только приходи со своей едой.

– Хочешь сказать, что так и работаешь в библиотеке?

Растрепанный и мокрый воробышек совершенно спокойно кивнул и широко улыбнулся. Хозяйка только покачала головой и принялась готовить чай.

– Может, я могу чем-то помочь? — не оборачиваясь, тихо произнесла директриса.

– Маш, ты уже пробовала купить большой дом...

Мария Михайловна промолчала, вспоминая давнюю историю, как семилетняя Ниночка после смерти бабушки, ее единственной близкой родственницы, была направлена в детский интернат. Маша подала документы на ее удочерение, купила большой дом в пригороде Питера, куда звала и подругу Варю, и девочку Нину, к которой успела привязаться, их домработницу Лидию Натановну, своего нерешительного кавалера Николая. К сожалению, из этой затеи ничего не получилось, хотя никаких корыстных мыслей у женщины с пронзительными цыганскими глазами не было.

– Мы тогда два года писали письма во все известные инстанции, чтобы тебе разрешили удочерить Нинку.

– Помню...

– Прошлым летом я узнала, что ее вывезли в Англию уже осенью 2010-го года.

– Да ладно... — не поверила сразу директор «Флорентино».

– Будет интересно — дам ссылку на архив сайта по усыновлению русских детей за границей.

– Что же нас так долго за нос водили?

– Деньги, — коротко и зло ответила Варя. — Лешка раскрыл мне глаза на этот бизнес.

– Бизнес? — переспросила стройная женщина.

– Есть федеральный сайт детей на усыновление. Сотни тысяч анкет... У государства нет денег создать им условия нормальной жизни в России. Зато нашлись десятки посреднических фирм, у которых один хозяин. Годовой оборот более миллиарда. Им на руку играют новые законы ювенальной юстиции, позволяющие и в России отнимать детей у родителей и пополнять анкеты на том сайте. Более десяти стран в Европе узаконили однополые браки. Этим «семьям» нужны наши дети... Чтобы забывать их в закрытых машинах на сорокаградусной жаре.

Они помолчали, вспоминая пережитое вместе.

– Погоди, как ты нашла Ниночку?

– Лешка помог, но это долгая история... Ей так промыли мозги, что она талдычит о бабушкиных деньгах... Представляешь, она уверена, что я хотела украсть бабушкины деньги!

– И ничего нельзя изменить?

Варя только отрицательно покачала головой. На какое-то время они замкнулись в себе, стараясь заглушить боль от такой несправедливости. Было трудно согласиться с тем, что близкий человек, пусть и семилетний ребенок, вдруг предъявляет такое нелепое обвинение.

– Прости, ты упомянула о Леше... — тихо произнесла блондинка, разливая по чашкам чай.

– Все началось с Ольгиной истории.

– Которая приехала прошлым летом?

– Точнее, свалилась на твою голову с моей легкой руки.

Маша поймала себя на мысли, что, хотя Варя и не показывалась долгое время, их судьбы оставались накрепко переплетены. Взять хотя бы эту несчастную молодую мамашу с годовой дочкой. Тот полуночный звонок встревожил не на шутку. Она чувствовала, что какая-то серьезная опасность угрожала этой худенькой девочке с громкой фамилией Орлова. Ну как скромный библиотекарь вечно попадал в какие-то истории? Что за судьба?

– Ничего... — смущенно улыбнулась директриса «Флорентино». — Светка уже ходит в ясли, а Оля работает продавцом. Непременно заедем к ним... Надеюсь, нам прямо сейчас не нужно кого-то спасать?

– Собственно, я потому и нагрянула, — улыбнулась гостья.

– Позвонить Коле?

– Если тебя не затруднит, а то мне как-то не с руки нагрянуть к бывшему десантнику... — Тут она прыснула от смеха, и едва выговорила: — Посреди ночи, и дать пару минут на сборы.

Подруги расхохотались, разом сбросив накопившееся напряжение. Они по-прежнему были теми девчонками, что встретились лет десять назад в Египте, когда Маша без документов и шансов вернуться в Россию работала на владельца клуба дайверов на Красном море. Тогда бесшабашная ученица первого курса перевернула ее жизнь, столкнув с итальянским красавцем Антонио, который до сих пор волновал директора «Флорентино».

– Варька, ты неисправима! — блондинка лукаво глянула на подругу. — Поднимаем и Егорыча с его спецназом.

– Пока нет, — улыбнулась Варя.

Стройная женщина с пронзительными цыганскими глазами понимающе покачала головой, и обе опять рассмеялись.

– Ну, выкладывай уже...

– Маш, а ты общаешься со своим дипломатом?

– Антонио собственник компании «Флорентино». Так что, пока я там директор, буду общаться.

– А в процессе общения ты случайно не посетила их фамильный дом в Трапани? Это на западном побережье Сицилии.

Подруга только удивленно приподняла изящные брови и отрицательно покачала головой.

- Тогда есть повод познакомить тебя с Джузи, — хихикнула худышка.
- Осмелюсь спросить...
- Это дедушка Антонио. Милый старик. Уверена, что ты ему понравишься. И не возражай.
- Я так понимаю, что другого пути у нас уже нет, — хозяйка пыталась быть серьезной, но с такой подругой это частенько было невозможно. — В прошлый раз мы искали какую-то шкатулку, что на этот раз?
- Две девочки, — Варя стала серьезной. — Галке пятнадцать, Ленке тринадцать. Очень нужно, чтобы они на пару дней приехали к Джузи в гости.
- И этот Джузи, как я понимаю, о своем счастье еще не подозревает?
- Джузи мировой дед, — вспыхнула худышка, — я с ним договорюсь.
- То есть нужно купить на недельку путевки до этой...
- Трапани, — опять хихикнула девушка, ставшая действительно чем-то напоминать расшалившегося воробья.
- Я еще не забыла, как по всему Египту за нами гнались какие-то бандиты. Потом в Иордании мы разгромили старинный склеп. В Израиле какие-то типы довели тебя до беспамятства. Когда мы прилетели со шкатулкой из Испании, бандиты ранили Колю.
- Лучше вспомни ожерелье, которое тебе подарил господин Фатхи.
- В памяти Маши явственно всплыла картинка того жемчужного ожерелья, что подарил ей очень богатый араб по фамилии Фатхи. Вернее, хотел купить красивую женщину за то ожерелье. Блондинка часто чувствовала себя вещью на востоке. Пусть и дорогой. Когда ей удалось сбежать из Египта в Италию, она год жила в Милане на те деньги, что выручила за ожерелье, и благодаря своему паспорту с визой на три года в Шенген. Варьке удалось его выцарапать у хитрого араба. В Милане она встретила красавца Антонио, напоминавшего ей молодого Алена Делона... Как давно это было и как это вообще могло быть! Впрочем, с тех пор благодаря Антонио она стала Марией Михайловной, директором «Флорентино». Все это время Варька незримо присутствовала рядом. Когда же Маша сама попала в беду, этот воробушек и Коля вытащили ее из безнадёжной ситуации в Бельгии. Все это более походило на приключенческий роман. Впрочем, не зря у женщины с пронзительными глазами в роду есть цыганская кровь... Вернувшись из воспоминаний, Маша строго спросила:
- А девочки?
- Тут одна надежда на тебя с Колей.
- Варька, ты в своем уме?
- Упроси Колиного генерала, чтобы помог оформить Галке и Ленке загранпаспорта.
- А родители?
- Это Лешкины сестры. — девушка смотрела прямо в глаза подруге. — Лешка погиб прошлым летом, их отец еще раньше. А к их маме Алене Александровне мы должны поехать на днях. Без взрослых, то бишь только со мной она их не отпустит. Вот таков был материнский сказ. Это чисто женская семья, но когда они увидят десантника Колю...
- Ох, некому тебе ремешка всыпать, — покачала головой Маша. — Ну куда тебя опять несет?
- Маш, только не вини меня за Лешку. Я до сих пор места себе не нахожу... Но поехать мы все равно должны.
- Так, может, в Крым или Сочи? — без особой надежды в голосе спросила директриса. — Там в мае уже тепло...
- Машуль, поверь мне, если бы речь шла только о пляже, я бы тебя не просила. — Было видно, что хрупкая девушка напряглась всем своим небогатырским телом. — У Ивана с Лизой двойня, им еще двух лет нет. Больше мне не к кому обратиться.
- Иван и Лиза? — попыталась вспомнить знакомые имена хозяйка.

– Иван однажды вытащил на себе Антонио, сломавшего ногу на Чегете, — пояснила Варя.
– Первый раз об этом слышу.
– В знак благодарности Антонио посвятил Ивана в клан Валороссо.
– Батюшки святой! — всплеснула руками блондинка.
– Потом Лизу выкрали бандиты, но Антонио ее спас... Кстати, они уже были в гостях у Джузи в Трапани.

– То есть русский десант на Сицилию не вызовет международного конфликта? — улыбнулась женщина с пронзительными цыганскими глазами.

– Нам понадобится помощь Николая. — Лицо худышки было очень серьезным.

– Я с тобой, воробушек, — прозвучало так искренне, что у девушки навернулись слезы.

– Спасибо, Маш. Я так и загадала. Ты...

Комок подступил к горлу худышки, и она лишь молча посмотрела на подругу. В этом взгляде была и благодарность, и боль, и печаль человека, прожившего не одну жизнь на этой грешной земле. Маша почувствовала это сердцем, подумав, почему умная и верная девушка выбрала себе этот нелегкий путь, вместо того чтобы с тем же Лешкой завести семью, нарожать детишек, читать им сказки, печь пироги, разучивать стишки и ждать мужа с работы.

Впрочем, директриса сама иногда задавала себе тот же вопрос. Вокруг нее всегда увивались кавалеры, а уж сейчас-то в очередь стоят, только пальчиком помани. Коленька один чего стоит. На него молоденькие девчонки из «Флорентино» заглядываются, а он по Маше сохнет. Антонио вообще находка: дипломат, красавчик, богат, а уж женский угодник — каких поискать. Другая бы не упустила такого из своих коготков. Да только не Машенька.

Вот ведь подружки нашлись! Два сапога пара. Наверное, не зря дорожки первокурсницы и инструктора по дайвингу пересеклись в Шарм-эль-Шейхе. Судьба...

ГЛАВА VI. ПОЛЬША, ВРОЦЛАВ

Весна в Силезии мало чем отличается от курской или воронежской. Если провести параллель через эту историческую область в центре Европы, то на ней окажутся и Лондон, и Вроцлав, и Чернигов, и Курск, и Воронеж. Это значит, что в мае уже тепло, хотя иногда бывает пасмурно и случаются дожди. С историей дело обстоит иначе. Одер, вторая по величине река Польши, пересекающая страну с юга на север, растянулся почти на 1000 километров от Моравии до Балтийского моря. В местечке, где Одер разбивается на три рукава, омывающие двенадцать островов, издревле были удобные переправы и стоянки. С одного из них на острове Тумский и начался Вроцлав.

Еще римские летописцы отмечали селение на островах как стратегически важное и богатое, где уже в 900 году было торжище. Местность вокруг Вроцлава называли Силезией по имени одного из племен, живших на берегах Одера. Одно время Силезия находилась под влиянием прусского государства, но к 1000 году она вошла в состав Польши, и римский император Оттон III учредил там римско-католическое епископство. В 1137 году Вроцлав стал столицей силезского княжества, которое в 1241 году было разграблено докатившейся до Европы монгольской волной. Потом Силезия переходила то чешским королям, то прусским, то германским, пока в 1939 году вермахт не навел там свой порядок, построив печально известный на весь мир лагерь смерти Освенцим.

Столица Силезии тоже меняла свои имена — от старорусского Бреславль до немецкого Бреслау, но после решения «польского вопроса» на Крымской конференции в феврале 1945 года она стала Вроцлавом и в составе Силезии была передана Польше. Так что в миллениум Вроцлав отпраздновал свое тысячелетие.

Богатое историческое прошлое отобразилось в удивительном разнообразии зданий, хранящих в себе черты разных веков. Ратуша, выходящая треугольным фасадом на главную площадь города, с остроконечными башенками, эркерами и высокими шпилями. Королевский дворец уже три века радует глаз пытливого туриста своим венецианским стилем. Утопающий в зелени старейший зоопарк Польши и аквариум собирают поклонников всех возрастов и убеждений. В Зале Столетия, посвященного победе поляков в битве с германцами в 1813 году, был установлен некогда самый большой орган в мире. Зная особое отношение поляков к католической вере, не удивляет большое количество самых разных храмов в городе. Особняком стоит кафедральный собор, построенный в 1272 году в честь защитника и покровителя Вроцлава Святого Иоанна Крестителя. Подобно парижскому Нотр-Даму, стоящему на острове Сите посреди Сены, собор Святого Иоанна Крестителя возвышался на острове Тумский. Шпили его 98-метровых башен-близнецов видны издалека. Чтобы паводки на Одере не мешали посещению храма, в 1810 году рукав реки, отделявший Тумский остров, засыпали, оставив о нем только географическое название.

В мае Вроцлав не выглядит тысячелетним старцем. Около ста мостиков и мостов через Одер и его каналы так и манят пройти по ним горожан и многочисленных приезжих. Знаменитый Тумский мост с его тысячами замкнутых на ажурной литой ограде замков, оставленных влюбленными в знак вечной верности, каменный сводчатый Олавский мост, красивейший подвесной Грюнвальдский мост, старейший Песочный мост с трамвайными путями и велосодержкой, Четырехпфеннинговый мост, названный так за соответствующую плату, взимаемую за проход, Солодовый, один из 200 пешеходных переходов, далее Мельничный, Университетский, Бортошовицкий... Самым большим и современным является вантовый мост Редзинского, по которому в несколько рядов любят гонять автомобилисты.

Однако ни с чем не сравнимое впечатление остается у счастливых, попавших на службу в кафедральный собор Вроцлава, возвышающийся на так называемом ныне Соборном

острове. Посидев десять минут на не самой удобной скамейке, посетитель забывает обо всем. Внутреннее пространство замыкается где-то высоко под сводчатым потолком, где бродят звуки органа. В торце за алтарем и по периметру второго яруса установлены витражи, чей колдовской свет заливают прихожан и их души благодатью. В отличие от православных храмов, в римско-католическом кафедральном соборе можно зайти за хоры и рассмотреть три замечательные часовни, в каждой из которых имеются гробницы вроцлавских епископов. В восточном, противоположном алтарю торце, иногда играет орган. Это голос стал печальнее трех предыдущих, сгоревших при пожаре. Рядом с западным входом находится готический портик с романскими колоннами. На одной из капителей вырезан каменный лев. Согласно легенде, желающий жениться должен в пасхальный понедельник потерять морду льва, и тогда избранница непременно согласится.

Правда, выйдя за массивные резные двери, миряне сразу же попадают в иной мир, пропитанный за послевоенные годы ядовитой русофобией. На многих путеводителях жирным шрифтом и черной краской выделено описание события, оставляющее в памяти верующих не менее черный след. Оно утверждает, что, «когда русские бомбили Вроцлав в 1945 году, собор загорелся, но языки пламени волшебным образом остановились перед упавшей статуей Девы Марии с младенцем, не причинив вреда ни ей, ни трём капеллам позади — часовне Святой Елизаветы, готической Марианской капелле и северной барочной в честь тела Христова.» Авторы забыли указать, что во время той страшной войны фашисты устроили в храме склад боеприпасов и при освобождении Вроцлава собор был на семьдесят процентов разрушен. Сейчас он полностью восстановлен и вновь радуется прихожан, молящихся защитнику Вроцлава — Святому Иоанну Крестителю, чтобы он уберег их от коварных русских, ведь напасти в кафедральном соборе случались каждые 20–30 лет со дня возведения в 1039 году на этом месте первой церкви, полностью разрушенной через 20 лет войсками герцога Бетислауса.

Впрочем, можно подняться над суетой к вечному. Заплативший пять злотых получает возможность погулять на смотровой площадке одной из 98-метровых башен и с высоты самостоятельно разобраться в хитросплетениях тысячелетней истории города, застывшей в самых разных домах, несущих отпечаток разных эпох, но покрытых нынче одинаковыми крышами. При этом мало кто обращает внимание на боковую дверь у капеллы Святого Причастия Северной башни с резными фигурами по камню в виде реальных и фантастических зверушек и существ. За ней расположился приходской офис с привычной оргтехникой и офисной мебелью, куда не пускают посторонних, а в большом стенном книжном шкафу устроена потайная дверь, за которой двое дюжих братьев доходчиво объяснят чрезмерно любопытному, что такое частная жизнь и охраняющий ее закон, которой нарушать никому не позволено. За этой красной чертой начинается территория Восточной крепости Святого Ордена «Сынов Света».

Незримая для непосвященных крепость обосновалась здесь в 1566 году, когда, согласно Люблинской унии, возникла Речь Посполитая — федерация Королевства Польского и Великого княжества литовского. У них оставались независимые государственные аппараты, законы, казна, войска, но было общее внешнее управление в виде сейма, некоего аналога двухпалатного парламента, и монарха, который избирался пожизненно, но не имел права передачи власти по наследству.

Ряды растущего Ордена пополняли шляхтичи — выходцы из военного сословия, корни которого уходили в средневековое рыцарство, чьи представители получили большую самостоятельность по применяемому в то время Магдебургскому праву, согласно которому экономическая и общественно-политическая деятельность регулировалась не столько монархом, сколько законами и правилами на уровне города или торгового объединения. С годами разбогатевшая на торговле Польша стала одной из самых передовых стран Европы не только в экономическом, но и военном отношении.

Согласно Уставу Святого Ордена «Сынов Света», его воины стремились только к самосовершенствованию, а не богатству, но если бы кто-то решил заказать у ювелира корону, украшенную вместо драгоценных камней фамилиями польской знати, ставшей основой Восточной крепости, она ослепила бы любую венценосную династию, взошедшую на престол Польши за все время ее существования. Причем каждый хвастал генеалогическим древом, исходящим от «владыки» Болеслава Храброго, ставшего первым польским королем в 1025 году. Он принадлежал династии Пястов, правившей страной четыре века, и, как утверждают его потомки, стал основоположником шляхты. К XIV веку это особое сословие стало настолько богатым и влиятельным, что уже недостаточно было совершить рыцарский подвиг на полях сражений, чтобы переступить заветную черту, отделяющую шляху от всех прочих.

Ни одна европейская монархия не позволяла таких вольностей своим дворянам, как Польша. Что там освобождение от всех налогов (кроме мизерного земельного, по два гроша с поля) – шляхта не должна была строить и ремонтировать дороги, замки, мосты и городские здания в своих уделах! Она даже не должна была обеспечивать короля продовольствием и жильем, если путь монарха пролегал через земли шляхты. Совсем унижительным для венценосца была привилегия шляхты не сопровождать своего правителя в качестве почетного эскорта. За многие из таких «вольностей» можно было бы лишиться головы в Германии, Франции или России. Но только не в Польше – шляхетское сословие было защищено законом о имущественной и личной неприкосновенности.

Амбиции шляхты реализовались в создании Речи Посполитой, где они не только заседали в Сенате или Посольской избе Сейма, но еще имели право вето, то есть последнее слово за принятием какого-либо закона или действия короля, решившего идти войной или строить крепость, оставалось за шляхтой. Они могли отменить все, что угодно. В европейских странах только спустя пять веков «либералы» приблизились к такой вольности, не задумываясь о последствиях. Ведь грань между монархией и анархией так иллюзорна, а серьезный анализ исторического опыта обычно пристрастен, поскольку выполняется на чьи-то средства. Победители пишут историю, а хитрецы начинают переписывать ее уже через полвека.

Рискованная политика шляхты не позволила реализовать задуманное тысячелетие новой империи в центре Европы, которую они называли Речью Посполитой. За ее недолгую судьбу успехи и поражения часто сменяли друг друга на полях сражений и политических интриг. Так, шведский принц Сигизмунд III, избранный на ее престол в 1592 году, объединил под личной унией Речь Посполитую и Швецию, затем под лозунгом «За справедливость и народ» устремился на восток. В результате Ливонской войны с Россией присоединил белорусские земли и Ливонию. В период смутного времени сначала посадил на московский трон Лжедмитрия, а затем перешел к открытому захвату Русского царства. Тогда, в 1610–1611 годах, поляки на два года заняли московский Кремль и даже начали чеканить монеты от имени Владислава Жигимонтовича, но в 1612 году были выбиты Мининым и Пожарским. Правда, война с поляками еще продолжалась до 1618 года, по итогам которой Россия уступила Польше Смоленскую, Черниговскую и Северскую области. После 30-летней войны 1618–1648 между католиками и протестантами в Европе, Речь Посполитая укрепила свои позиции. В те времена и Орден «Сынов Света» был в зените. Попытка русских в Смоленской войне 1632 года вернуть смоленские земли не увенчалась успехом. И только Северная война со Швецией в 1655–1660 годах и русско-польская война 1654–1667 годов истощили силы Речи Посполитой. В 1686 году она потеряла Левобережную Украину, Смоленщину и Киев. Третья русско-польская война 1692 года оказалась катастрофической, и в 1695 году Речь Посполитая перестала существовать. «Сынам Света» пришлось временно покинуть стены Восточной крепости и рассеяться среди мирян, возложив всю вину за поражение на русских.

Прошло немало лет и тяжких испытаний, прежде чем Святой Орден вернулся в старые стены кафедрального собора Иоанна Крестителя во Вроцлаве. Вместе с храмом, восстанов-

ленном на Соборном острове в шестидесятые годы прошлого века, возродилась и Восточная крепость. Новое поколение, не знавшее войны, выросшее в сытой стране и воспитанное на лозунгах свободной и великой Польши, жаждало реванша. Ему достаточно было напомнить о великих предках, не уважавших своего короля, и указать на врага, который «не освободил их страну от фашизма, а поработил», как они уже были готовы воевать... Сначала с памятниками.

Укрытые от посторонних глаз толстыми стенами собора Святого Иоанна Крестителя, новые «Войны Света» обычно собирались в потаенных аудиториях капеллы Святого Причастия. Там после утренней молитвы они постигали истину со слов брата Остина, ставшего недавно комендантом Восточной крепости вместо брата Саймона, избранного Магистром Ордена «Сынов Света».

— Обратите внимание, братья, — голос оратора звучал негромко, но заставлял присутствующих прислушиваться к каждому слову, — территория, принадлежавшая Речи Посполитой трижды (в 1772, 1793 и 1795 годах), подверглась переделу между Австрией, Пруссией и Россией. Наши враги ненасытны, они рвали друг у друга истерзанное тело Польши, не в состоянии договориться между собой. Даже Наполеон в 1810 году перед походом на Россию учредил Варшавское герцогство под саксонской короной, но и оно просуществовало лишь до 1814 года. Восточные земли, принадлежавшие Речи Посполитой, вдруг стали российскими губерниями и были объединены империей в Западный край. Только мы никогда этого не забывали и по-прежнему называем эти земли «забранными Россией». Для нас не важно, кто сидит на том троне: Романовы, коммунисты или демократы. Наша цель — восстановить границы Польши в границах Речи Посполитой на 1772 год.

— Ваша Светлость, — поднял руку для вопроса один из слушателей, уловив паузу преподавателя.

— Слушаю вас, брат Томаш.

— Надеюсь, поляки не сидели сложа руки?

— Верно замечено, — командор Восточной крепости удовлетворенно кивнул. — В 20-х годах XIX века национально-освободительная борьба патриотических сил Польши достигла высокого уровня. Тайные студенческие общества в январе 1831 года подняли восстание и свергли с престола прорусского царя Николая и сформировали Национальное правительство во главе с Чарторыйским, но в ответ на это Россия ввела 115 тысячную армию и подавила восстание. Почитайте детали сражения под Гроховым и Остроленкой. Участники восстания были преданы суду с конфискацией имений. Аналогичные выступления были и в западных областях Польши, но и они потерпели поражение. Краков с прилегающими областями перешел в состав Австрии как Великое княжество Краковское.

— Ваша Светлость, — поднялась женская рука.

— Прошу вас, Зося, — брат Остин заложил сухие, с синими прожилками руки за спину и чуть нагнул голову вперед, словно ожидал порыва ветра.

— Каково было отношение к евреям?

— В Германии и Австрии существовал закон, запрещающий евреям иметь, покупать, получать в дар или наследовать в собственность жилье. В России после Второго передела земель Речи Посполитой был принят указ Екатерины II 1791 года о «Черте оседлости», который запрещал евреям селиться за обозначенной границей. Исключения составляли купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты и ряд ремесленников. Им позволялось жить в столице и крупных городах. Для остальных евреев отводилась Белоруссия, Новороссия, Астраханская и Кавказская губернии. Граф Лев Николаевич Толстой, известный вам как классик русской литературы, пояснял эти действия правительства тем, что в лице евреев оно имело дело с основательно испорченным, преступным и почти неисправимым народом. Напомню, что к середине 1860-х годов евреи составляли около половины всего населения Царства Польского.

— Ваша Светлость, то есть в Польше был самый высокий процент евреев в населении? — удивился Лешек.

— Да. Эта ситуация сложилась в результате миграции ашкеназов с востока из разгромленной князем Святославом Хазарии и сефардов с запада после исхода из Испании. К тому же евреи стекались в Польшу из Австрии и России. Помню данные по концу XIX века — за двадцать лет из России в США и Палестину уехало около двух миллионов евреев. Правда, у тех, кто не мог себе этого позволить, зарождались радикальные взгляды, питавшие различные революционные организации. Тогда и появились так называемые бомбисты. Отмечу, что после вступления России в Первую мировую войну и объявления военного положения в стране, с 1915 года «черта оседлости» была отменена, но это уже не повлияло на последующие события в России.

— Ваша Светлость, — не мог усидеть на месте еще один слушатель, — расскажите, почему русские бомбили Варшаву в 1914 году?

— Боюсь, вы ошибаетесь, дорогой Станислав... Когда начались боевые действия четырнадцатого года, внук русского царя Николая I, великий князь Николай Николаевич, с лозунгом «Объединяйтесь под управлением России против Германии» вошел в Галицию, но был разбит и отброшен за Вислу. Впоследствии войска кайзера оккупировали Польское царство, и при штурме Варшавы использовали дирижабли для бомбежки нашей столицы. Я видел одну картину с подобным сюжетом в частной коллекции, когда был по делам в Берлине. Если не ошибаюсь, автор Ганс Шульц, участник тех событий. Возможно, речь идет именно о ней или ее репродукции... Что касается русских войск того времени в Польше, то не припомню, чтобы они использовали аэропланы или дирижабли.

Лектор остановил жестом других слушателей, тянувших руки со своими вопросами, и сделал паузу, чтобы восстановить тишину в аудитории.

— Братья, мы никак не дойдем до темы, которую, собственно, и должны были рассмотреть сегодня. Мне приятно видеть ваш искренний интерес и попытки разобраться в хитросплетениях взаимоотношений Польши и России. Однако в любом деле нужен порядок. Приучайте себя к нему и концентрируйте внимание на главном...

Комендант Восточной крепости окинул аудиторию спокойным взглядом, и слушатели тут же притихли, ощутив легкое прикосновение силы. Это было предупреждением. Невысокой мужчина неопределенного возраста, чье тело закрывала длинная до пят светло-серая ряса, подпоясанная веревкой, скрученной определенным образом, лишь иногда обнажал кисти рук. Сухие с морщинистой кожей, под которой проглядывали синие жилы, вдруг стали значимыми. Еще минуту назад они были как-то по-дружески, если не по-отечески мягки или даже заботливы, — теперь отчего-то стали казаться холодными и сильными. Они не угрожали, а предупреждали. Причем сразу всех в аудитории о том, что границу переступать не стоит. Вернее, даже не стоит к ней приближаться.

Какой мимолетный жест остановил будущих гловеров, осталось загадкой, но у каждого в сознании промелькнул образ вожака волчьей стаи, который лишь глянул в сторону провинившегося щенка и беззвучно оскалится, на миг блеснув оружием, которое может ловко перекусить блоху в густой шерсти или хряпнуть пополам берцовую кость косули.

— Продолжим... Историческими предпосылками Польско-большевистской войны 1919–1921 годов, которую в разных странах называют по-разному, были разные взгляды Рюриковичей и их последователей — с одной стороны, и королей Литвы и Польши — с другой стороны, на земли, обычно называемые Западной Украиной и Западной Белоруссией. Брат Остин сделал паузу, давая понять, что поблажек не будет.

— После поражения Германии в Первой мировой войне и декрета Ленина в 1918 году об отказе России от всех царских договоров, государственность Польши де-юре была восстановлена, но вопрос о границах почему-то не оговаривался. Польша вполне обоснованно счи-

тала, что возникла ситуация реального восстановления ее территории в границах Речи Посполитой 1772 года. Однако у большевиков были совсем иные планы. Троцкий бредил мировой перманентной революцией, а Ленин мечтал о Польше как о плацдарме развития революции в Германии.

– В ноябре 1918 года немецкие войска, согласно Коменскому договору, начали отступать из Белоруссии. В нарушение всех договоренностей советская Западная армия двинулась следом с целью восстановления контроля над западными губерниями российской империи и 10 декабря вошла в Минск. На что поляки Литвы и Белоруссии создали Комитет защиты восточных окраин с боевыми подразделениями солдат, входивших прежде в какие-нибудь воинские формирования. Тут же указом Пилсудского они были объявлены частями Войска Польского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.